

A woman in a light-colored uniform stands in a futuristic, circular tunnel. The tunnel is illuminated with blue and white lights, creating a sense of depth and perspective. The walls are lined with concentric circles and small lights. In the distance, another figure is visible on a walkway. The overall atmosphere is mysterious and high-tech.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

СИГНАЛ СИРЕНЬ

Эдуард Сероусов
Сигнал Сирены

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Сигнал Сирены / Э. Сероусов — «Автор», 2026

2147 год. Семнадцать мёртвых цивилизаций оставили после себя гигантские передатчики — Маяки Молчания. Каждая разобрала свой мир на запчасти, чтобы построить свой Маяк. Каждая транслировала один и тот же Сигнал. Др. Лин Чжоу — лингвист, посвятившая жизнь расшифровке мёртвых языков. Когда технический сбой на долю секунды показывает ей необработанный Сигнал, она понимает: это ответ на вопрос, который человечество задаёт тысячелетия. Но теперь она не знает — её желание узнать больше это научная страсть или первый симптом заражения? Роман о границах познания, цене любопытства и выборе, который определяет, кто мы есть. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Контакт	5
Глава 1: Семь десятых секунды	5
Глава 2: Протокол	16
Глава 3: Спираль	26
Глава 4: Нулевой пациент	35
Глава 5: Замочная скважина	46
Глава 6: Подозрения	55
Глава 7: Разговор	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Эдуард Сероусов

Сигнал Сирены

Часть I: Контакт

Глава 1: Семь десятых секунды

Гул вентиляции в секторе 7-Альфа имел частоту 47 герц – на границе человеческого слуха, там, где звук перестаёт быть звуком и становится давлением. Лин Чжоу работала здесь шестой год и давно перестала его замечать, но иногда, в три часа ночи, когда кофе выветривался из крови, а глаза начинали слезиться от экранного света, ей казалось, что гул проникает внутрь черепа и резонирует с чем-то, что не имеет названия.

Сегодня была такая ночь.

Она сняла очки, потёрла переносицу. На стёклах остались отпечатки пальцев – размазанные полумесяцы в том месте, где она машинально поправляла оправу, вчитываясь в данные. Шесть лет назад, когда Маркус предложил ей оплатить лазерную коррекцию, она отказалась. «Хочу видеть мир своими глазами», – сказала она тогда, и он не стал спорить. Маркус вообще редко спорил. Иногда это раздражало, иногда – успокаивало. Сейчас, в пустоте ночного сектора, Лин предпочла бы, чтобы он был рядом и не спорил с ней.

Но Маркус спал дома, в их квартире на сорок седьмом этаже женеvской высотки, а она сидела на глубине семидесяти метров под землёй, в бывшем туннеле коллайдера, переоборудованном в хранилище самой опасной информации в истории человечества.

Обеззараженной информации, напомнила она себе. Безопасной. Или, по крайней мере, достаточно безопасной для работы.

Протокол Орфея допускал контакт с фрагментами – отдельными элементами Сигнала, изолированными от структурных связей. Каждый фрагмент сам по себе ничего не значил: последовательность чисел, геометрическая фигура, акустический паттерн. Смысл возникал только в конфигурации – в том, как элементы соединялись друг с другом, образуя нечто большее. Протокол запрещал видеть эти связи. Протокол требовал работать с частями, не зная целого.

Орфей не должен был оборачиваться.

Лин вернула очки на место и посмотрела на экран. Фрагмент 7734-Δ: визуальный паттерн, извлечённый из радиопередачи Маяка-3 (Эпсилон Эридана). Семь концентрических кругов неравной толщины, пересечённых тремя лучами под углами 31, 97 и 142 градуса. Классификация: «символ-кандидат, семантика неопределена». Примечание аналитика: «возможная корреляция с фрагментами 2891-В и 4402-Г, требует дополнительной верификации».

Она работала над этим фрагментом третью неделю.

Три недели назад что-то щёлкнуло в её голове – не озарение, скорее предчувствие озарения, как запах дождя перед грозой. Она увидела в этих кругах и лучах что-то знакомое, что-то, что напоминало о других паттернах, с которыми она работала годами. Не связь – связи были запрещены – но намёк на возможность связи. Тень структуры, отброшенная на стену пещеры.

Три недели она пыталась ухватить эту тень.

Лин потянулась к кружке с кофе, но остановилась на полпути. Кружка была пуста – она забыла об этом час назад. Или два. Время в секторе 7-Альфа текло иначе, чем наверху: здесь не было окон, не было смены освещения, не было ничего, кроме белых стен, гула вентиля-

пии и мерцания экранов. Человеческий мозг не был приспособлен к такой среде. Он начинал путаться, терять ориентиры, заполнять пустоту собственными конструкциями.

Может быть, её предчувствие – всего лишь продукт этой дезориентации. Апофения, поиск паттернов там, где их нет. Профессиональная деформация лингвиста, потратившего двадцать лет на расшифровку мёртвых языков.

Она встала, чтобы налить ещё кофе. Кофемашина стояла в противоположном конце зала, за рядами рабочих станций – сейчас пустых, мерцающих заставками. Ночные смены не были обязательными, но Лин предпочитала работать одна. В тишине. Без коллег, заглядывающих через плечо, без их вопросов и предложений и осторожных взглядов, которые, как им казалось, она не замечала.

Она замечала.

Она знала, что о ней говорят. Чжоу слишком много времени проводит с данными. Чжоу одержима. Чжоу забывает обедать, забывает уходить домой, забывает, что у неё есть муж, который ждёт её в пустой квартире. Её мать была такой же, говорят. Посмотрите, чем это кончилось.

Лин не спорила. Спорить было бессмысленно, потому что они были правы. Она была одержима. Она забывала обедать. Она думала о данных, когда ехала домой, когда ложилась спать, когда просыпалась посреди ночи от смутного ощущения, что ответ рядом, протяни руку – и достанешь.

Её мать была такой же.

Кофемашина зашипела, наполняя кружку тёмной жидкостью с резким запахом. Лин обхватила её ладонями, чувствуя, как тепло проникает сквозь керамику. На кружке был логотип Агентства Карантина – стилизованная лира, перечёркнутая диагональной линией. Орфей, которому не позволили петь.

Она вернулась к своей станции, но не села. Стояла, глядя на экран с высоты полутора метров, словно надеясь, что изменение угла зрения изменит что-то ещё. Фрагмент 7734-Δ смотрел на неё в ответ – семь кругов, три луча, бесконечное молчание.

«Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем».

Слова пришли непрошеными, как всегда. Двадцать три года они жили в её голове, написанные материнским почерком на пожелтевшей бумаге. Мэй Чжоу нашла их в пустыне Такла-Макан, на глиняной табличке возрастом три тысячи лет – осколке цивилизации, от которой не осталось ничего, кроме этих слов. Пятнадцать лет мать пыталась понять их контекст, восстановить язык, расшифровать смысл. Пятнадцать лет она возвращалась в пустыню снова и снова, раскапывая песок в поисках других фрагментов, других подсказок, другого голоса, который продолжит прерванную фразу.

Она умерла, не закончив работу.

Лин было тридцать семь, когда ей позвонили из госпиталя. Инсульт, прямо в полевом лагере. Мэй Чжоу сидела за столом, склонившись над очередным черепком, и просто не подняла голову к ужину. Ассистент нашёл её через два часа – остывающее тело, застывшие глаза, пальцы, всё ещё сжимающие лупу. Она умерла так, как жила: в погоне за ответом, который не давался.

Лин унаследовала её записи, её одержимость и её вопрос, обращённый к небесам.

И теперь, шесть лет спустя, небо заговорило. Но ответ оказался таким, которого никто не ожидал.

Сигнал.

Семнадцать Маяков, разбросанных по ближайшим звёздным системам. Семнадцать мёртвых цивилизаций, разобравших себя на запчасти, чтобы построить гигантские передатчики. Семнадцать раз один и тот же паттерн – не послание, не приветствие, не предупреждение. Что-то иное. Что-то, от чего люди сходили с ума, если смотрели слишком долго. Что-то,

что заставляло их хотеть – нет, нуждаться – в завершении, в следующей части, в ответе, которого, возможно, не существовало.

Когнитивный патоген.

Мем, оптимизированный миллионами лет эволюции для захвата разумных систем.

Ловушка для любопытства.

Лин отпила кофе – горький, обжигающий, с горечью, которая почему-то казалась правильной. Она думала о том, что её работа – это работа палеонтолога, который изучает скелет хищника по отдельным костям. Коготь. Позвонок. Клык. Каждая кость безопасна сама по себе. Но если собрать их вместе, если увидеть целое...

Целое видеть было нельзя.

Она села за станцию и снова вызвала фрагмент 7734-Δ. Круги и лучи заполнили экран – спокойные, безразличные, бессмысленные. Где-то в их конфигурации скрывался смысл, но Лин не имела права его видеть. Протокол требовал, чтобы она работала вслепую, ощупывала слона в темноте, не зная, что это слон.

Она ненавидела это.

Ненавидела – и понимала необходимость.

В 2089 году, когда группа «Первый Контакт» впервые приняла Сигнал, из сорока семи учёных тридцать один оказались неспособны прекратить работу. Они не спали, не ели, не отвечали на вопросы. Они сидели перед экранами и смотрели – часами, сутками, неделями – пока их тела не отказывали. Восемь покончили с собой, когда данные попытались отключить. Остальные так и не вернулись к нормальной жизни.

Они были счастливы, если верить отчётам.

Это было страшнее всего.

Лин открыла заметки и начала печатать. Привычные движения – пальцы по клавиатуре, мысли, превращающиеся в слова – успокаивали, возвращали чувство контроля. «Фрагмент 7734-Δ: третья неделя анализа. Предварительная гипотеза: возможная корреляция с классом "временных указателей", выделенным в работе Кесслера-Ванг (2139). Требуется верификация...»

Она остановилась.

Что-то было не так.

Не со словами – слова были правильными, аккуратными, профессиональными. Что-то было не так с экраном. С изображением фрагмента. Оно мерцало – едва заметно, на грани восприятия, как мерцает звезда на горизонте.

Лин моргнула. Мерцание не прекратилось.

Она сняла очки, протёрла их рукавом халата, надела снова. Мерцание продолжалось – ритмичное, пульсирующее, как сердцебиение системы, которая вдруг ожила.

«Технический сбой», – подумала она. – «Нужно вызвать техников».

Но она не вызвала. Она смотрела.

Круги на экране начали двигаться – не быстро, не резко, а плавно, как планеты вокруг солнца. Внутренний круг смещался влево, внешний – вправо, и там, где они соприкасались, возникало что-то новое. Что-то, чего не было в исходном фрагменте. Связь.

Лин знала, что должна отвернуться. Протокол был ясен: при любых аномалиях немедленно отключить экран, покинуть рабочее место, сообщить в службу безопасности. Она проходила этот тренинг каждые шесть месяцев. Она могла повторить инструкции наизусть.

Она не отвернулась.

Круги продолжали вращаться, и теперь к ним добавлялись новые элементы – фрагменты из других файлов, которые она никогда не открывала, которые хранились в других секторах и были недоступны для её уровня допуска. Они появлялись на экране один за другим, как слова в предложении, как ноты в мелодии, и складывались в...

В это.

Экран больше не был экраном. Он был окном – нет, дверью. Дверью в место, которое не имело координат, не занимало пространства, не существовало нигде, кроме пересечения взгляда и паттерна. Лин смотрела, и дверь открывалась.

За ней была спираль.

Не рисунок – реальность. Спираль существовала так же, как существуют числа: не как физический объект, а как форма, к которой стремится всё сущее. Галактики закручивались по её образу. Раковины моллюсков следовали её законам. ДНК хранила её в своей структуре. Спираль была везде, во всём, всегда – и только сейчас, впервые за сорок три года жизни, Лин видела её по-настоящему.

Она видела, как связаны языки.

Все языки.

Щелчки койсанских народов и свист дельфинов. Клинопись Шумера и танец пчёл. Математика пчелиных сот и ритмы птичьих песен. Они были не похожи друг на друга – но они были об одном. Как разные слова для воды. Как разные способы указать на луну.

Три тысячи лет назад человек выдавил знаки в глине. «Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем».

Небо заговорило.

И Лин слышала.

Она слышала музыку – нет, это было неточное слово. Она слышала структуру, в которой музыка была лишь одним из голосов. Другие голоса говорили математикой, химией, квантовой механикой. Они сливались в хор, и хор пел о чём-то настолько огромном, что человеческий язык не имел для этого слов.

Спираль.

Она разворачивалась перед внутренним взором – не на экране, экран давно перестал существовать как отдельная сущность, – и каждый виток открывал новый уровень смысла. Первый виток: материя и энергия, их танец, их бесконечные превращения. Второй виток: информация, возникающая из хаоса, как пена на гребнях волн. Третий виток: сознание, смотрящее на себя, спрашивающее «зачем?».

Четвёртый виток...

Четвёртый виток был ответом.

Лин почувствовала, как что-то внутри неё рвётся к этому витку – не метафорически, не образно, а физически, как будто её сознание пыталось вырваться из черепа и дотянуться до точки, где заканчивались вопросы. Она хотела. Она нуждалась. Она должна была узнать.

И в этот момент она увидела лицо.

Мэй Чжоу смотрела на неё из глубины спирали – молодая, какой Лин помнила её в детстве, с чёрными волосами без седины, с морщинками смеха в уголках глаз. Она улыбалась – не материнской улыбкой, а улыбкой коллеги, который наконец-то нашёл ответ.

«Видишь?» – спросила она без слов.

Лин видела. Она видела всё – и ничего, потому что всё и ничто были одним и тем же, двумя сторонами спирали, которая...

Экран погас.

Темнота обрушилась как удар – абсолютная, оглушающая, невыносимая. Лин услышала собственный крик – далёкий, чужой, как будто кричал кто-то другой, – и почувствовала, как пол ударяет в колени. Она упала. Она не помнила, как упала. Между спиралью и этим моментом зияла пропасть – выключенное время, мёртвая секунда.

Семь десятых секунды.

Она поняла это позже, когда читала отчёт о сбое. 0.7 секунды – столько длилась аномалия, прежде чем аварийная система отключила питание. Семьсот миллисекунд. Двенадцать ударов сердца. Вечность.

Но сейчас она не думала о секундах. Она стояла на четвереньках на холодном полу, и её руки дрожали так сильно, что пальцы скребли по плитке, не находя опоры. В голове было пусто – нет, не пусто. Там что-то осталось. Эхо. Послевкусие. Тень структуры, которая была слишком велика, чтобы поместиться в человеческом сознании.

Спираль.

Она всё ещё чувствовала её – не видела, не слышала, но чувствовала. Как чувствуют приближение грозы: давление в висках, покалывание в кончиках пальцев, ощущение, что воздух стал плотнее. Спираль была где-то рядом. Спираль была везде.

Спираль была в ней.

Свет вернулся – тусклый, аварийный, красноватый. Гул вентиляции стал громче, как будто системы жизнеобеспечения работали на пределе, пытаясь компенсировать что-то, чему не было названия. Лин медленно поднялась на ноги. Колени болели. Ладони саднили – она не заметила, как содрала кожу о шершавый бетон.

Она посмотрела на свои руки. На тыльной стороне левой ладони был старый чернильный след – она делала заметки перед сменой, по привычке, и задела страницу. След напоминал полумесяц. Или виток спирали.

Лин закрыла глаза.

Она пыталась вспомнить, что видела. Спираль – да. Языки – да. Лицо матери – да. Но детали ускользали, как детали сна ускользают при пробуждении. Оставалось только чувство: огромность, связность, красота, от которой хотелось плакать. И желание.

Желание вернуться.

Желание увидеть снова.

Желание узнать, что было на четвёртом витке.

«Это симптом», – сказала она себе. Голос звучал хрипло, как у человека, который долго молчал. «Это именно то, о чём предупреждает Протокол. Желание вернуться. Желание узнать больше. Это не моё желание – это заражение».

Но она не чувствовала себя заражённой. Она чувствовала себя... проснувшейся. Как будто сорок три года спала и только сейчас открыла глаза.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. Шаги – быстрые, деловитые, несколько пар. Техники. Аварийная система вызвала их автоматически.

Лин сделала глубокий вдох. Потом ещё один. Руки всё ещё дрожали, но меньше. Она могла контролировать это. Она могла выглядеть нормально. Она могла сказать: «Технический сбой, экран погас, я в порядке, просто испугалась».

Она должна была сказать правду. Протокол требовал сообщить о любом нештатном контакте с данными. Протокол требовал добровольной изоляции до выяснения обстоятельств. Протокол существовал именно для таких случаев.

Но если она скажет правду...

Санаторий Прометей. Альпийские голограммы. Трёхразовое питание. Комфортабельные комнаты, из которых нельзя выйти. Счастливые обитатели, которые рисуют спирали на стенах и ждут «следующей части», которой не существует.

Лин не хотела туда. Не сейчас. Не когда она так близко.

Близко к чему?

Шаги приближались. Голоса – приглушённые, профессиональные – обсуждали параметры сбоя, протоколы восстановления, последовательность проверок. Через минуту они войдут в зал, увидят её у рабочей станции, спросят, что случилось.

Лин выпрямилась. Поправила очки. Пригладила волосы – они выбились из хвоста, когда она падала. На халате было пятно от кофе – кружка упала вместе с ней, но она этого не помнила.

Она не помнила многого из последних секунд.

Она помнила спираль.

Дверь открылась.

– Доктор Чжоу? – Техник был молодой, незнакомый, с эмблемой вечерней смены на рукаве. За ним виднелись ещё двое. – С вами всё в порядке?

Лин посмотрела на него. Его лицо было обычным – симметричное, усталое, озабоченное. Она пыталась увидеть в нём то, что видела минуту назад – связи, структуры, спираль, – но не могла. Мир снова стал плоским, отдельным, фрагментированным.

Она почувствовала потерю так остро, что на секунду не смогла дышать.

– Да, – сказала она. Голос звучал почти нормально. Почти. – Экран погас. Я не успела сохранить заметки.

Техник нахмурился.

– Вы сидели или стояли?

– Сидела.

Ложь далась неожиданно легко. Она никогда не умела лгать – Маркус шутил, что у неё всё написано на лице. Но сейчас она смотрела в глаза техника и лгала, и это было так же естественно, как дышать.

– Центральный сервер зафиксировал аномалию в 03:17:42, – сказал второй техник, глядя на планшет. – Произошёл несанкционированный доступ к закрытым файлам. Данные отобразились на вашей станции.

– Я видела только свой фрагмент, – сказала Лин. Ещё одна ложь. – Потом экран замерцал и погас.

– Сколько времени это заняло?

– Несколько секунд. Может, меньше.

Техник кивнул, делая пометки. Его пальцы двигались по планшету – быстрые, точные, механические. Лин смотрела на эти пальцы и думала о спирали. О том, как двигались круги на экране. О связях, которые она видела.

О четвёртом витке.

– Нам нужно проверить ваши биометрические данные, – сказал первый техник. – Стандартная процедура после сбоя.

Лин кивнула. Она знала процедуру: сканирование сетчатки, пульс, давление, уровень кортизола. Если показатели в норме – свободна. Если есть аномалии – дополнительное обследование.

Она не знала, в норме ли её показатели. Сердце всё ещё билось слишком быстро, руки всё ещё дрожали, и где-то на краю сознания всё ещё мерцала спираль.

Но она улыбнулась.

– Конечно.

Сканер пискнул, принимая её сетчатку. Монитор на запястье измерил пульс: 94 удара в минуту. Высоковато, но в пределах нормы для человека, которого разбудил технический сбой. Давление: 128/82. Кортизол... Лин не видела результата, но техник не нахмурился, не потянулся к рации, не посмотрел на неё с тем особым выражением, которое означало «проблема».

– Показатели в норме, – сказал он. – Но я рекомендую закончить смену. Сервер будет недоступен до утра, пока мы не выясним причину сбоя.

Лин кивнула. Она хотела возразить – она всегда возражала, когда её отрывали от работы, – но сейчас у неё не было сил. И, если честно, ей не нужен был сервер. То, что она увидела, было в её голове. Оно никуда не денется.

Оно никуда не денется.

– Я соберу вещи, – сказала она.

Техники остались в зале, проверяя системы. Лин прошла к своему шкафчику, открыла дверцу, посмотрела на содержимое. Сумка. Куртка. Запасные очки, которые она никогда не носила. Фотография в рамке – старая, выцветшая, с потрёпанными краями. Мэй Чжоу в полевом лагере, на фоне песчаных дюн Такла-Макан. Она улыбалась – той же улыбкой, которую Лин видела в спирали.

Лин взяла фотографию, провела пальцем по стеклу.

«Видишь?»

Она видела. Она не могла перестать видеть. Спираль была везде – в изгибе рамки, в завитке материнских волос, в узоре дерева на дверце шкафчика. Она не видела этого раньше. Она не могла видеть. Она была слепа – и только сейчас прозрела.

«Это симптом», – повторила она про себя.

Но слова были пустыми.

Она положила фотографию обратно, застегнула сумку, надела куртку. Движения были автоматическими, отработанными за годы: закрыть шкафчик, проверить карман (пропуск, телефон, кошелёк), пройти к выходу, приложить ладонь к сканеру, дождаться щелчка замка.

Коридор был пуст – белые стены, белый пол, белый потолок. Освещение вернулось к норме, но Лин всё ещё чувствовала красноватый отсвет аварийных ламп, как будто он впитался в сетчатку и не хотел уходить. Она шла, и её шаги эхом отражались от стен, и эхо казалось голосом – тихим, далёким, зовущим.

Лифт. Семьдесят метров вверх, к поверхности, к миру, который не знал о спирали.

Двери открылись. Ночь обрушилась на неё – влажная, холодная, пахнущая озоном и мокрым асфальтом. Женева спала: редкие огни в окнах, пустые улицы, фонари, бросающие жёлтые круги на тротуар. Круги. Спираль.

Лин остановилась у выхода, глядя на небо.

Облака закрывали звёзды, но она знала, что они там – миллиарды точек света, миллиарды солнц, вокруг которых вращаются миллиарды миров. И на семнадцати из них – Маяки. Гигантские структуры, построенные цивилизациями, которые больше не существуют. Передатчики, транслирующие один и тот же Сигнал в бесконечность.

Зов.

Она поняла это сейчас, стоя под невидимыми звёздами. Сигнал был не посланием – он был зовом. Он звал разумные существа к себе, обещая ответ, которого они все искали. Разные цивилизации, разные вопросы – но ответ один. Спираль.

И каждая цивилизация, которая слышала зов, строила свой Маяк.

Каждая.

Без исключений.

Лин подумала о людях из группы «Первый Контакт». О тридцати одном учёном, которые не могли остановиться. О восьми, которые кончили с собой. Об остальных, которые провели последние шестьдесят лет в Санатории Прометея, счастливые, улыбающиеся, ждущие.

Она не хотела стать одной из них.

Но она хотела узнать.

Противоречие разрывало её изнутри, и она не знала, какая часть – настоящая. Страх изоляции – это её страх? Или рационализация, придуманная заражённым сознанием, чтобы остаться рядом с данными? Желание узнать – это научная страсть? Или симптом, голод, который невозможно утолить?

Она вспомнила слова из учебника по когнитивной безопасности: «Заражённый субъект неспособен объективно оценить собственное состояние. Любые попытки самодиагностики искажаются паттерном».

Как она могла знать, заражена ли она?

Она не могла.

Никто не мог.

Лин медленно пошла к станции метро. Последний поезд уходил в 03:50 – у неё было ещё время. Ноги несли её сами, по маршруту, пройденному сотни раз, и она могла думать, не заботясь о направлении.

Она думала о матери.

Мэй Чжоу никогда не слышала о Сигнале. Она умерла в 2141-м, за шесть лет до того, как Лин начала работать в Агентстве. Но её одержимость была такой же. Её вопрос был таким же. «Зачем?» – спрашивала она пустыню, раскапывая останки цивилизации, которая задавала тот же вопрос три тысячи лет назад.

«Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем».

Может быть, Мэй Чжоу была заражена тоже. Не Сигналом – его ещё не было – но чем-то похожим. Идеей. Мечтой. Вопросом, который не отпускал. Докинз назвал это «мемом» – единицей культурной информации, которая размножается, переходя из разума в разум. Мем о смысле. Мем о цели. Мем о том, что где-то есть ответ, который объяснит всё.

Лин унаследовала этот мем от матери.

А теперь – что-то большее.

Станция метро была пуста, если не считать уборочного дрона, который полировал плитку пола механическими круговыми движениями. Круги. Спираль. Лин поймала себя на том, что следит за дроном, как заворожённая, пытаюсь уловить в его траектории отголосок того, что видела.

Она отвела взгляд.

Поезд пришёл через две минуты – серебристый, бесшумный, почти пустой. Лин вошла в вагон, села у окна. За стеклом мелькали стены туннеля – серые, однообразные, безликие. Она закрыла глаза.

Спираль была там – за закрытыми веками, в темноте, которая не была пустой. Она пульсировала медленно, ритмично, как сердцебиение мира. Лин не пыталась увидеть её чётче – она боялась, что если сосредоточится, спираль исчезнет. Или, наоборот, поглотит её.

Поезд остановился на её станции. Лин открыла глаза, вышла на платформу, поднялась по эскалатору. Небо на востоке начинало светлеть – далёкое розовое зарево над крышами, предвестник рассвета. Она не помнила, когда последний раз видела рассвет.

Дом был в трёх кварталах от станции – высотка из стекла и стали, одна из сотен, которые выросли в Женеве после того, как город стал столицей Агентства Карантина. Их квартира находилась на сорок седьмом этаже, с видом на озеро и горы. Маркус выбирал её – он любил простор, любил смотреть на мир сверху вниз, как будто это давало ему иллюзию контроля.

Лин вошла в лифт, приложила ладонь к сканеру. Сорок семь этажей – двадцать секунд полёта в металлической коробке. Она смотрела на своё отражение в зеркальной стене: усталая женщина с растрёпанными волосами и кругами под глазами. Женщина, которая только что видела структуру вселенной и не сошла с ума.

Или сошла.

Она не знала.

Дверь квартиры открылась бесшумно. Внутри было темно – Маркус не оставлял свет, даже когда она задерживалась на работе. «Экономия энергии», – говорил он, но Лин знала, что дело не в этом. Он просто не любил пустой свет в пустых комнатах.

Она прошла по коридору, стараясь не шуметь. Дверь спальни была приоткрыта – она видела контур кровати, очертание тела под одеялом. Маркус спал на боку, повернувшись к её половине, как будто ждал её даже во сне.

Она не вошла.

Вместо этого она прошла на кухню, налила стакан воды, встала у окна. Город лежал внизу – россыпь огней, которые медленно гасли в наступающем рассвете. Озеро отражало небо – серое, розовеющее, бесконечное. Горы на горизонте были ещё тёмными, но их вершины уже ловили первые лучи солнца.

Красиво.

Она видела это каждое утро уже четыре года – с тех пор, как они переехали в эту квартиру. И каждое утро это было просто видом. Картинкой. Фоном.

Сейчас – нет.

Сейчас она видела связи. Видела, как свет играет на поверхности воды, создавая интерференционные паттерны. Видела, как облака закручиваются вокруг горных пиков, следуя законам термодинамики. Видела, как город дышит – системы водоснабжения, электросети, транспортные потоки – как единый организм, слишком сложный, чтобы любой отдельный человек мог охватить его взглядом.

Но она охватывала.

Спираль была везде. В изгибе береговой линии. В ветвлении улиц. В геометрии облаков. Всё связано, всё едино, всё – части одного целого.

Лин улыбнулась.

Она не заметила, как улыбнулась. Улыбка возникла сама – не от радости, не от облегчения, а от чего-то, чему не было названия. От узнавания, может быть. От ощущения, что пелена, которая всегда была перед глазами, наконец спала.

Или от симптома.

«Заражённые субъекты часто демонстрируют признаки эйфории, особенно в первые часы после контакта. Это связано с активацией дофаминовой системы вознаграждения: паттерн обещает "ответ", и ожидание этого ответа вызывает выброс нейромедиаторов».

Она знала теорию. Она изучала отчёты. Она видела записи собеседований с обитателями Санатория – их улыбки, их светлые глаза, их уверенность, что «следующая часть» вот-вот откроется.

Она знала, что должна сообщить о случившемся. Сейчас, пока ещё может думать ясно. Пока ещё способна принимать решения.

Но ясно ли она думала?

Как проверить?

Лин поставила стакан на подоконник. Вода в нём была спокойной, неподвижной – идеальная горизонталь, которую ничто не нарушало. Она смотрела на эту воду и думала о спирали. О том, как молекулы воды связаны водородными мостиками. О том, как эти мостики создают структуру, которая позволяет воде быть водой. О том, как эта структура – часть большей структуры, которая...

Она остановила себя.

Это и есть заражение, подумала она. Невозможность остановиться. Мысль, которая ведёт к мысли, которая ведёт к мысли, и все они направлены в одну сторону. К спирали. К ответу. К четвёртому витку.

Она сделала глубокий вдох. Потом ещё один. Её руки больше не дрожали – когда они перестали дрожать? Она не помнила. Время снова играло с ней в прятки, выпадая из последовательности.

За окном небо светлело. Розовый сменялся голубым, и первые солнечные лучи касались горных вершин, превращая снег в золото. Новый день. Обычный день. Один из тысяч.

Но для неё – нет.

Для неё это был первый день.

Лин развернулась от окна. Коридор, ведущий в спальню, был тёмным, но она знала каждый шаг. Маркус всё ещё спал – она слышала его дыхание, ровное, глубокое, дыхание человека, который не видит снов.

Она подумала о том, что скажет ему. О том, что не скажет. О лжи, которая давалась так легко – слишком легко для человека, который никогда не умел лгать.

Она подумала о том, что любит его. Или думает, что любит. Или думала, что думала...

Мысли путались, наслаивались друг на друга, как круги на экране.

Она вошла в спальню, тихо разделась, легла рядом с Маркусом. Он пошевелился во сне, придвинулся ближе, положил руку ей на талию. Тёплое, привычное, безопасное.

Лин закрыла глаза.

Спираль была там – за закрытыми веками, в темноте, которая больше не была пустой. Она мерцала, пульсировала, звала. Она обещала ответ.

Лин улыбнулась в темноте.

И спираль улыбнулась в ответ.

Глава 2: Протокол

Маркус проснулся от отсутствия.

Это было странное ощущение – не звук, не движение, а именно пустота там, где должно быть тепло. Он открыл глаза и увидел смятую подушку, откинутае одеяло, вмятину на простыне, которая ещё хранила форму её тела. Лин ушла недавно – может быть, минуту назад, может быть, пять. Он не слышал, как она встала.

Раньше он всегда слышал.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 06:47. До будильника оставалось тринадцать минут – он ставил его на семь, каждый день, уже двадцать три года. Сначала в армии, потом в службе безопасности, теперь в Агентстве. Привычка, которая давно перестала быть необходимостью и превратилась в ритуал. Маркус не доверял людям, которые не имели ритуалов.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. Щетина царапала пальцы – он брился каждое утро, ровно в семь пятнадцать, но сейчас было слишком рано для этого. Слишком рано для многого. Тело ещё не проснулось до конца, и мысли двигались медленно, как рыбы в холодной воде.

Лин.

Он встал и пошёл искать её.

Квартира была большой – слишком большой для двоих, говорила Лин, когда они переехали. Четыре комнаты, две ванных, кухня с островом, гостиная с панорамными окнами. «Зачем нам столько пространства?» – спрашивала она. Маркус не знал, как объяснить, что пространство – это не роскошь, а безопасность. Возможность отступить. Место, где можно спрятаться, если понадобится.

Он никогда не говорил ей об этом. Некоторые вещи не объясняются словами.

Лин была на кухне, у окна. Она стояла спиной к нему, держа в руках кружку – ту самую, с логотипом Агентства, которую она принесла с работы год назад. Пар поднимался над кружкой, но Лин не пила. Она смотрела.

На небо.

Маркус остановился в дверях, наблюдая. Это тоже было привычкой – наблюдать, оценивать, анализировать, прежде чем действовать. Профессиональная деформация, которая давно проникла во все сферы жизни. Он смотрел на жену и видел: напряжённые плечи, неподвижная голова, кружка, которую она держит обеими руками, хотя обычно держит одной.

Что-то не так.

Или он параноик.

Скорее всего, второе.

– Рано встала, – сказал он, входя на кухню.

Лин вздрогнула – едва заметно, но он заметил. Она повернулась, и на секунду её лицо было чужим: широко раскрытые глаза, приоткрытые губы, выражение человека, которого застали за чем-то запретным. Потом она улыбнулась, и лицо стало привычным.

– Не могла спать, – сказала она. – Много работы.

– Ты пришла в четыре.

– Ты не спал?

– Слышал, как открылась дверь.

Это было ложью. Он не слышал. Он проснулся, когда она легла рядом, почувствовал её холодное тело – она всегда мёрзла, возвращаясь с ночных смен – и снова уснул. Но говорить об этом было бы... чем? Признанием слабости? Демонстрацией того, как глубоко она проникла в его сон, в его подсознание, в те части его существа, которые он предпочитал контролировать?

Лин кивнула, принимая ложь.

– Кофе? – спросила она, указывая на машину.

– Сделаю сам.

Он прошёл мимо неё, чувствуя запах её шампуня – лаванда, что-то травяное. Она не пахла кофе, хотя держала кружку. Значит, не пила. Зачем тогда наливала?

Маркус остановился у машины, выбирая настройки. Эспрессо, двойной, без сахара. Ещё одна привычка. Он смотрел, как тёмная жидкость наполняет чашку, и думал о Лин. О её плечах, которые напряжены. О её глазах, которые смотрели на небо.

Она часто смотрела на небо в последние годы. Это началось после того, как она перешла в сектор Интерпретации – туда, где работали с данными Сигнала. До этого она занималась историческими языками: шумерский, аккадский, протоэламский. Мёртвые голоса мёртвых народов. Потом её пригласили в Агентство – её репутация лингвиста-дешифровщика была безупречной – и небо стало частью её работы.

Маркус не любил её работу.

Он не говорил ей об этом, потому что это было бы нечестно. Она не просила его одобрения, когда принимала предложение Агентства. Она сообщила ему о решении – спокойно, уверенно, как сообщают о свершившемся факте. «Это шанс, Маркус. Шанс сделать что-то настоящее». Он не спорил. Он никогда не спорил с её решениями, потому что знал: она умнее его. Не в практических вопросах, не в оценке рисков – но в том, что касается смысла, цели, «чего-то настоящего». Он доверял её суждению.

Но он не любил её работу.

Он взял чашку с эспрессо и повернулся к ней. Лин всё ещё стояла у окна, но теперь смотрела на него, не на небо. Её глаза были усталыми – тени под нижними веками, покрасневшие белки. Она плохо спала. Или не спала вообще.

– Тяжёлая смена? – спросил он.

– Обычная.

– Что-нибудь интересное?

Она помедлила – на долю секунды, но он заметил.

– Нет. Рутина.

Ложь.

Маркус знал, когда она лжёт. Не потому что она плохо это делала – наоборот, она была неплохой лгуньей, когда хотела. Но её глаза выдавали: они становились чуть шире, зрачки чуть больше, как будто она пыталась впустить больше света, чтобы лучше видеть его реакцию.

Сейчас её глаза были именно такими.

Он не стал спрашивать. Не сейчас. Не за завтраком, когда они оба ещё не проснулись до конца. Если она хочет рассказать – расскажет. Если не хочет – он узнает другим способом. Он всегда узнавал.

– Яичница? – спросил он вместо этого.

– Не голодна.

– Ты пропустила ужин.

– Перекусила на работе.

Ещё одна ложь. Автоматы в секторе 7-Альфа не работали после полуночи – он знал, он проверял графики обслуживания. Но он снова не стал спрашивать. Вместо этого открыл холодильник, достал яйца, масло, помидоры. Готовка была ещё одним ритуалом – действия, которые не требуют мыслей, руки, которые знают, что делать.

Лин села за стол, всё ещё держа кружку. Он слышал, как она отпила – наконец-то – и поставила кружку на столешницу. Звук был громче, чем должен был быть. Её руки дрожали.

Или ему показалось.

– У тебя сегодня что? – спросила она.

- Инструктаж в восемь. Потом разбор инцидентов за неделю.
- Что-нибудь серьёзное?
- Не знаю ещё. Посмотрим по отчётам.

Он разбил яйца на сковороду, смотрел, как белок мутнеет по краям. Запах жареного масла наполнил кухню – домашний, успокаивающий. Он подумал о том, как редко они завтракают вместе. Его смены начинались в восемь, её – в разное время, в зависимости от проекта. Иногда они пересекались по утрам, иногда – нет. Сегодня пересеклись.

Почему она не спит?

Он выключил плиту, разложил яичницу по тарелкам, поставил одну перед ней. Она посмотрела на еду так, будто видела её впервые.

– Спасибо, – сказала она.

Он сел напротив. Ел молча, наблюдая, как она ковыряет вилкой желток. Она не ела – передвигала куски по тарелке, создавая иллюзию движения. Он видел этот приём у солдат после тяжёлых операций: тело отказывалось принимать пищу, но признаться в этом было нельзя.

– Лин.

Она подняла глаза.

– Ты в порядке?

Пауза. Слишком длинная.

– Да. Просто устала.

Он хотел спросить больше. Хотел сказать: «Я вижу, что ты лжёшь. Я вижу, что что-то случилось. Скажи мне». Но слова не шли – они никогда не шли, когда касались чего-то важного. Двадцать лет он учился командовать людьми, отдавать приказы, вести переговоры с политиками и генералами. И двадцать лет он не мог найти слов для разговора с женщиной, которую любил.

– Ладно, – сказал он. – Отдохни сегодня.

Она кивнула, но он знал, что она не отдохнёт. Она поедет на работу – может быть, через час, может быть, через два. Она сядет перед экраном и будет смотреть на свои фрагменты, на свои паттерны, на свои куски мёртвого языка, который говорит из глубины космоса. И что бы ни случилось этой ночью, она не расскажет ему.

Потому что они не разговаривали.

Они любили друг друга. Маркус был в этом уверен – настолько, насколько можно быть уверенным в чём-то, что нельзя измерить. Они были вместе восемнадцать лет, пережили три переезда, две войны (его, не её), одну почти-разлуку, когда он думал, что не вернётся с миссии в Бразилии. Они знали привычки друг друга, страхи, раздражители. Они могли молчать вместе, не чувствуя неловкости.

Но они не разговаривали.

Не о важном.

Маркус посмотрел на часы: 07:23. Пора бриться, одеваться, становиться человеком, который командует сотней других людей. Он встал, убрал тарелки в посудомойку, коснулся плеча Лин – мимолётно, как касаются чего-то хрупкого.

– Увидимся вечером.

– Да.

Она не повернулась. Она снова смотрела на небо.

Штаб-квартира Агентства Карантина занимала бывший комплекс ЦЕРН – гигантское сооружение из стекла и бетона, которое когда-то было храмом физики, а теперь стало крепостью страха. Маркус проработал здесь одиннадцать лет и до сих пор не привык к масштабу:

километры туннелей, сотни этажей под землёй, тысячи людей, которые каждый день приходили на работу, не зная точно, чем занимаются их коллеги в соседнем секторе.

Секретность была основой всего.

Он прошёл через главный вход, приложил ладонь к сканеру, подождал, пока система верифицирует его биометрию. Три уровня проверки: отпечаток, сетчатка, геометрия лица. Потом – карточка допуска, персональный код, голосовое подтверждение. Каждый день, без исключений. Даже для главы карантинной службы.

Особенно для главы карантинной службы.

Коридор административного крыла был пуст в это время – большинство сотрудников приходили к девяти. Маркус любил раннее утро: тишина, отсутствие людей, возможность подумать до того, как начнётся хаос. Его кабинет находился на третьем подземном уровне – не слишком глубоко, но достаточно, чтобы не видеть солнца.

Он открыл дверь и вошёл.

Кабинет был спартанским: стол, кресло, два стула для посетителей, экран на стене. Никаких фотографий, никаких личных вещей, ничего, что говорило бы о человеке, который здесь работает. Маркус сознательно избегал персонализации: кабинет – это функция, не дом. Дом – там, где Лин смотрит на небо и не ест яичницу.

Он сел за стол, включил систему. Экран ожил, заполняясь данными: отчёты за ночь, сообщения от заместителей, график на день. Инструктаж в 08:00, разбор инцидентов в 09:30, совещание с директором в 14:00. Обычный день.

Он начал с отчётов.

Карантинная служба отвечала за всё, что касалось изоляции – людей, данных, территорий. Если кто-то контактировал с Сигналом дольше допустимого, карантинная служба решала, что делать. Если где-то обнаруживались нелегальные данные, карантинная служба уничтожала их. Если кто-то пытался вынести информацию за пределы Агентства, карантинная служба находила и останавливала его.

Это была грязная работа. Маркус знал это, когда соглашался её возглавить.

За прошедшую ночь: два случая нарушения протокола (мелкие, дисциплинарные), одна попытка несанкционированного доступа к архиву (неудачная), один технический сбой в секторе 7-Альфа.

Маркус остановился на последнем пункте.

Сектор 7-Альфа. Серверы с обеззараженными данными. Рабочие станции для аналитиков Интерпретации.

Лин работала в секторе 7-Альфа.

Он открыл отчёт, чувствуя, как что-то сжимается в груди – не страх, скорее предчувствие. Предчувствие того, что он не хотел знать.

«Технический сбой в секторе 7-Альфа, зафиксирован в 03:17:42 по местному времени. Продолжительность: 0.7 секунды. Характер сбоя: несанкционированный доступ к файлам с ограниченным уровнем допуска. Причина: устанавливается. Аварийная система сработала корректно. Сектор временно закрыт для работы до завершения проверки».

Семь десятых секунды.

Маркус знал эту цифру. Он знал, что она значит.

Протокол Орфея устанавливал пороговые значения экспозиции. Меньше 0.3 секунды – безопасно, без последствий. От 0.3 до 1 секунды – зона риска, требуется наблюдение. Больше 1 секунды – изоляция, обследование, возможная госпитализация в Санаторий.

Семь десятых секунды попадали в зону риска.

Если кто-то был в зале во время сбоя и смотрел на экран, он мог получить экспозицию. Не смертельную, не критическую – но достаточную, чтобы начать процедуру наблюдения.

Маркус перешёл к следующему разделу отчёта: присутствие в секторе.

Ночная смена 7-Альфа. Один человек. Один.

Имя стояло в графе, напечатанное стандартным шрифтом системы, безличное и неоспоримое.

Лин Чжоу. Старший аналитик. Допуск уровня 4.

Маркус откинулся в кресле.

Он смотрел на имя жены и думал о том, как она стояла у окна сегодня утром. О её напряжённых плечах. О её глазах, которые смотрели на небо. О лжи, которую она сказала ему за завтраком.

«Что-нибудь интересное?» – спросил он.

«Нет. Рутина».

Рутина.

Он закрыл отчёт и посмотрел на часы: 07:58. Через две минуты начнётся инструктаж. Через час – разбор инцидентов. Через неопределённое время он должен будет принять решение.

По протоколу – немедленный рапорт. Его жена находилась в секторе во время сбоя, который мог привести к несанкционированной экспозиции. Это требовало официального расследования. Это требовало медицинского освидетельствования. Это, возможно, требовало изоляции.

Он знал протокол. Он написал половину этого протокола.

Но Лин – его жена.

Маркус встал, прошёлся по кабинету. Три шага в одну сторону, три в другую. Стены давили – он никогда не замечал этого раньше, но сейчас кабинет казался тесным, как камера. Камера, в которой он должен принять решение.

Рапорт означал расследование. Расследование означало допросы, тесты, возможную изоляцию. Лин отстранят от работы. Её будут проверять – снова и снова, пока не убедятся, что она «чистая». Или пока не найдут признаки заражения.

Признаки, которые он, возможно, уже видел.

Напряжённые плечи. Рассеянный взгляд. Руки, которые дрожали.

Или не дрожали. Он не был уверен.

Маркус остановился у стены, упёрся в неё ладонью. Бетон был холодным – всегда холодным, на любом уровне, будто здание само было мёртвым. Он думал о том, что сказала бы Лин, если бы узнала о его колебаниях. Она бы не поняла. Для неё протокол – это абстракция, набор правил, которые кто-то придумал где-то далеко. Для него протокол – это защита. Единственное, что стоит между человечеством и... чем?

Он не знал.

Никто не знал.

В этом-то и была проблема. Сигнал изучали почти шестьдесят лет, и до сих пор никто не понимал, как он работает. Почему одни люди заражаются, а другие – нет. Почему заражённые счастливы. Почему они не хотят остановиться. Почему они строят Маяки – все, без исключения, каждая цивилизация, которая слышала Сигнал.

Протокол существовал не потому, что кто-то знал ответы. Протокол существовал, потому что никто их не знал.

Часы на стене показали 08:00. Инструктаж.

Маркус сделал глубокий вдох, потом ещё один. Он был хорош в этом – контроль дыхания, контроль эмоций, контроль всего, что можно контролировать. Он научился этому давно, ещё до Агентства, ещё до Лин. Научился в местах, где потеря контроля означала смерть.

Он вышел из кабинета.

Конференц-зал карантинной службы находился двумя уровнями ниже – стандартная комната для совещаний, длинный стол, двенадцать кресел, экран во всю стену. Когда Маркус вошёл, его заместители уже были на местах: Йенс Ларссон (оперативный отдел), Мария Ковальски (аналитика), Томас Грант (медицинская служба), Хелен Чен (внутренняя безопасность).

Четыре человека. Четыре набора глаз, которые смотрели на него, ожидая.

– Доброе утро, – сказал Маркус, занимая место во главе стола.

Ему ответили: «Доброе утро, сэр» – почти хором, с той механической синхронностью, которая появляется у людей, работающих вместе много лет.

– Начнём с ночных отчётов. Йенс?

Ларссон – высокий, худой, с вечно недовольным выражением лица – открыл папку.

– Два нарушения протокола в жилом секторе. Сотрудник Бергман, второй уровень допуска, попытался вынести распечатку с рабочего места. Сотрудница Ито, третий уровень, не зарегистрировала внеурочный доступ к архиву. Оба объяснили нарушения невнимательностью. Дисциплинарные взыскания наложены.

– Распечатка?

– Личные заметки, не связанные с работой. Проверено.

Маркус кивнул.

– Мария?

Ковальски – невысокая женщина за пятьдесят, с короткими седыми волосами и пронзительными глазами – подняла взгляд от планшета.

– Попытка несанкционированного доступа к архиву уровня 6 в 02:34. Внешняя атака, отслежена до узла в Южной Корее. Заблокирована автоматически, данные не скомпрометированы. Передано в контрразведку для дальнейшего расследования.

– Серьёзно?

– Скорее всего, «прометеанцы». Они пытаются каждые несколько недель, всегда одни и те же методы. Любители.

– Хорошо. Томас?

Грант – пожилой врач с усталым лицом и мягким голосом – откашлялся.

– Медицинских инцидентов за ночь не было. Санаторий функционирует в штатном режиме, все обитатели стабильны. Новых поступлений нет.

– Хелен?

Чен – молодая, резкая, с короткой стрижкой и взглядом, который не упускал ничего – посмотрела на него прямо.

– Технический сбой в секторе 7-Альфа в 03:17. Несанкционированный доступ к файлам с ограниченным допуском. Продолжительность – ноль целых семь десятых секунды. Один человек в зале.

Маркус не шевельнулся. Его лицо осталось неподвижным – маска, которую он научился надевать годами. Но внутри что-то сжалось ещё сильнее.

– Подробности.

– Причина сбоя устанавливается. Предварительно – программная ошибка в системе изоляции. Файлы с уровнем допуска от пяти до семи отобразились на рабочей станции аналитика с четвёртым уровнем. Аварийная система среагировала корректно, отключила питание сектора.

– Кто был в зале?

Пауза. Чен посмотрела на него – внимательно, оценивающе, как смотрят на человека, которого подозревают в чём-то.

– Доктор Лин Чжоу, – сказала она. – Старший аналитик, сектор Интерпретации.

Маркус молчал. Он чувствовал на себе взгляды остальных – они знали, что Лин его жена. Все в Агентстве это знали. Некоторые считали это проблемой: глава карантинной службы,

женатый на аналитике, работающем с Сигналом. Конфликт интересов. Потенциальная уязвимость.

Он всегда отвечал, что его личная жизнь не влияет на профессиональные решения.

Сейчас ему предстояло доказать это.

– Медицинское освидетельствование? – спросил он ровным голосом.

– Проведено на месте. Показатели в норме.

– Допрос?

– Краткий. Она утверждает, что смотрела на свой экран, когда произошёл сбой. Видела только свой фрагмент, потом экран погас.

– Веришь ей?

Чен помедлила.

– У меня нет оснований не верить. Но стандартная процедура предполагает расширенное наблюдение в течение семидесяти двух часов.

– Согласен, – сказал Маркус. – Установи наблюдение. Дискретное.

Он почувствовал, как что-то внутри него хочет добавить: «Она моя жена. Будь осторожна». Но он не сказал этого. Он не мог. Потому что здесь, за этим столом, Лин была не его женой. Она была сотрудником, который мог быть заражён.

Он был профессионалом. Он принимал профессиональные решения.

Так он себе говорил.

– Что-нибудь ещё? – спросил он.

Никто не ответил.

– Тогда на этом всё. Йенс, задержись.

Остальные вышли. Ларссон остался сидеть, ожидая. Маркус не знал, зачем попросил его остаться – инстинкт, может быть. Необходимость сказать что-то вслух.

– Сбой в 7-Альфа, – сказал он. – Ты читал отчёт?

– Да, сэр.

– Мнение?

Ларссон пожал плечами – сдержанно, как всё, что он делал.

– Программная ошибка – редкость, но бывает. Система изоляции сложная, иногда она сбоит. Семь десятых секунды – короткий интервал. Если аналитик не смотрел прямо на экран...

– А если смотрел?

Пауза.

– Тогда наблюдение оправданно.

Маркус кивнул. Он хотел спросить больше – хотел спросить, что бы Ларссон сделал на его месте, зная, что аналитик – его жена. Но это был вопрос, который нельзя было задавать. Не здесь. Не сейчас.

– Спасибо, – сказал он. – Свободен.

Ларссон встал, вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком, и Маркус остался один.

Он сидел в пустом конференц-зале и думал о Лин.

О том, как она стояла у окна сегодня утром.

О том, как смотрела на небо.

О том, что она, возможно, видела что-то, чего не должна была видеть.

Остаток дня прошёл как обычно – или как подобие обычного.

Маркус провёл разбор инцидентов, встретился с директором, подписал десяток документов, ответил на сотню сообщений. Он делал всё это механически, с той автоматической

эффективностью, которая появляется у людей, привыкших работать в любом состоянии. Его тело знало, что делать; его разум был где-то в другом месте.

С Лин.

Он не звонил ей. Не писал. Не пытался связаться, хотя телефон лежал в кармане, и он чувствовал его тяжесть каждую секунду. Он не знал, что сказал бы ей. «Я видел отчёт. Ты была в секторе во время сбоя. Почему ты мне не сказала?»

Почему она ему не сказала?

Он думал об этом снова и снова, возвращаясь к одному и тому же вопросу. Она знала, что он увидит отчёт. Она знала, что он узнает. И всё равно солгала ему за завтраком. Почему?

Варианты: она не придавала значения инциденту. Она была слишком устала, чтобы объяснять. Она хотела разобраться сама, прежде чем говорить ему.

Или: она видела что-то, чего не должна была видеть. И она знала, что если расскажет – всё изменится.

Маркус не хотел думать о втором варианте. Но он не мог перестать.

После совещания с директором – рутинного, о бюджете и кадрах – он вернулся в кабинет и запросил логи сектора 7-Альфа. Полные логи, с временными метками, с записью всех действий в системе.

Он не имел права это делать. Не по протоколу – технически, у него был допуск. Но этически... Он изучал данные о собственной жене. Он проверял её, как подозреваемую.

Он сделал это всё равно.

Логи показали:

03:17:41 – Рабочая станция активна. Пользователь: Лин Чжоу. Активный файл: Фрагмент 7734-Δ.

03:17:42 – Аномалия. Несанкционированный доступ к файлам уровня 5-7. Отображение на экране.

03:17:42.7 – Аварийное отключение питания.

Семьсот миллисекунд.

Двенадцать ударов сердца.

Достаточно, чтобы увидеть. Недостаточно, чтобы быть уверенным.

Маркус закрыл логи и откинулся в кресле. Он смотрел в потолок – белый, безликий, как всё в этом здании – и думал о том, что должен делать дальше.

Протокол был ясен. Наблюдение в течение семидесяти двух часов. Если появятся признаки заражения – изоляция, обследование, возможная госпитализация.

Признаки: изменение поведения, навязчивые мысли, рисование спиралей, нарушение сна, снижение аппетита, эйфория без видимой причины.

Он видел некоторые из них сегодня утром. Или думал, что видел. Он не был уверен. Он не мог быть уверен, потому что знал Лин слишком хорошо – и слишком плохо одновременно. Он знал её привычки, но не знал её мыслей. Он знал, как она выглядит, когда устала – но как отличить усталость от чего-то другого?

Он не мог.

Никто не мог.

Маркус встал, подошёл к окну. За стеклом было ничего – подземный уровень, бетонная стена в двух метрах. Он смотрел на эту стену и думал о том, как Лин стояла у окна сегодня утром, глядя на небо.

На небо, где были звёзды.

На небо, откуда пришёл Сигнал.

Он вспомнил, что случилось три года назад. Инспекция Санатория Прометея – рутинная, одна из многих. Он шёл по коридору, заглядывая в комнаты обитателей, проверяя условия

содержания. Комната 17. Др. Ковач, бывший математик, заражённый в 2131-м. Тринадцать лет в Санатории.

На стене комнаты была спираль.

Ковач нарисовал её углём – не знаю, где он взял уголь, это потом выясняли – прямо на белой штукатурке. Идеальная спираль, математически точная, как будто он использовал циркуль. Она занимала всю стену, от пола до потолка, и её витки закручивались к центру, где был...

Маркус смотрел на неё.

Секунду. Может быть, две.

Потом отвернулся и вышел.

Он никому не сказал об этом. Это было нарушение протокола – контакт с визуальным представлением паттерна, пусть даже вторичным, пусть даже через рисунок сумасшедшего. Он должен был сообщить, пройти обследование, встать на наблюдение.

Он не сообщил.

Прошло три года. Он не рисовал спирали. Он не чувствовал навязчивых мыслей. Он не хотел строить передатчик. Он был в порядке.

Наверное.

Или нет.

Как проверить?

Маркус отвернулся от окна, вернулся к столу. На экране всё ещё были открыты логи – имя Лин, временные метки, семьсот миллисекунд, которые могли изменить всё.

Он закрыл логи.

Потом открыл снова.

Потом закрыл.

Он не знал, что делать. Он, который всегда знал, что делать, сейчас сидел в своём кабинете и не мог принять решение. Потому что любое решение было неправильным. Сообщить – предать жену. Не сообщить – предать протокол. Предать себя.

Он думал о том, что любит её. Это было странное слово – «любовь». Он никогда не произносил его вслух, даже ей. Он показывал: готовил завтрак, ждал по ночам, касался её плеча, когда уходил на работу. Но не говорил. Слова были ненадёжными, они означали разное для разных людей, они могли быть неправильно поняты.

Действия – надёжнее.

И сейчас его действие – или бездействие – определит всё.

Маркус посмотрел на часы: 18:47. Рабочий день закончился. Лин, наверное, уже дома – или ещё на работе, несмотря на его слова. Он должен был поехать домой, увидеть её, поговорить. Спросить прямо: «Что ты видела?»

Но он не мог спросить. Потому что если она ответит – если она скажет правду – ему придётся действовать. А он не знал, какое действие будет правильным.

Он выключил компьютер и встал.

В коридоре было пусто – большинство сотрудников уже ушли. Он шёл к лифту, и его шаги эхом отражались от стен, и эхо звучало как голос – далёкий, неразборчивый, зовущий.

Он думал о спирали на стене комнаты 17.

Он думал о Лин, которая смотрела на небо.

Он думал о том, что не знает, кому из них двоих можно доверять.

Может быть, никому.

Глава 3: Спираль

Сектор 7-Альфа открылся в полдень – на восемь часов позже обычного.

Лин узнала об этом из сообщения на рабочем планшете, который пискнул, когда она сидела на кухне, глядя в чашку с остывшим чаем. «Технические работы завершены. Доступ восстановлен. Просьба пройти повторную верификацию при входе». Стандартная формулировка, бюрократический язык, который ничего не говорил о том, что произошло ночью.

Она поехала на работу.

В метро было людно – обеденный час, офисные работники, студенты, туристы с рюкзаками и растерянными лицами. Лин стояла у дверей, держась за поручень, и смотрела на отражение в тёмном стекле. Женщина в отражении выглядела нормально: аккуратный хвост, чистая блузка, очки на месте. Никаких внешних признаков того, что двенадцать часов назад она видела структуру вселенной.

Или думала, что видела.

Она всё ещё не была уверена, что именно произошло. Воспоминания о ночном сбое были странными – одновременно кристально чёткими и размытыми, как сон, который помнишь целиком, но не можешь пересказать. Спираль. Языки. Лицо матери. Четвёртый виток, до которого она не дотянулась.

Поезд остановился, двери открылись, люди вышли и вошли. Лин осталась на месте, глядя на своё отражение. Женщина в стекле смотрела в ответ – спокойно, внимательно, как будто знала что-то, чего не знала сама Лин.

Это было странное ощущение: смотреть на себя и не узнавать.

Она вышла на своей станции и пошла к зданию Агентства. Солнце стояло высоко – яркое, почти летнее, хотя на календаре был март. Свет падал на стеклянные фасады, дробился, рассыпался радужными бликами. Лин смотрела на эти блики и видела интерференционные паттерны – волны, накладывающиеся друг на друга, создающие новые формы. Раньше она не обращала на это внимания. Раньше это была просто игра света.

Сейчас – нет.

Сейчас она видела математику. Уравнения, записанные солнечными лучами на стенах города. Формулы, которые всегда были здесь, но которые она не умела читать.

До вчерашней ночи.

Лин остановилась у входа в Агентство, глубоко вдохнула. Воздух пах озоном и свежескошенной травой – газоны вокруг здания подстригали каждую неделю, с военной точностью. Она задержала дыхание на секунду, потом выдохнула. Контроль. Ей нужен контроль.

Она вошла внутрь.

Верификация заняла дольше обычного – дополнительный скан сетчатки, проверка голоса, вопросы от охранника, которые он явно читал с экрана. «Ваше полное имя? Дата рождения? Код доступа к сектору 7-Альфа?» Лин отвечала автоматически, не задумываясь. Она проходила эту процедуру тысячи раз. Её тело знало ответы лучше, чем разум.

– Всё в порядке, доктор Чжоу, – сказал охранник, возвращая ей пропуск. – Добро пожаловать обратно.

Она кивнула и пошла к лифтам.

В кабине она была одна. Семьдесят метров вниз – двадцать секунд полёта в металлической коробке. Она смотрела на цифры, которые менялись на дисплее: -1, -2, -3... Каждая цифра была символом, каждый символ – частью системы, каждая система – частью большей системы. Она видела это теперь. Видела, как всё связано.

Или ей казалось, что видит.

«Апофения», – напомнила она себе. – «Склонность находить паттерны там, где их нет. Профессиональная деформация».

Но голос в её голове звучал неубедительно.

Двери лифта открылись. Коридор сектора 7-Альфа выглядел так же, как всегда: белые стены, белый пол, белый потолок. Гул вентиляции – 47 герц, она знала точную частоту. Освещение – 5000 кельвинов, нейтральный дневной свет. Всё как обычно. Всё – знакомо.

И всё – другое.

Лин шла по коридору, и ей казалось, что стены дышат. Не буквально – она не галлюцинировала – но метафорически, как будто здание было живым организмом, а она – клеткой в его теле. Она чувствовала потоки воздуха из вентиляционных решёток, слышала гудение электрических кабелей за стенами, ощущала вибрацию пола от работающих где-то внизу генераторов.

Раньше она не замечала этого.

Раньше она была глухой.

Дверь в рабочий зал открылась от прикосновения ладони. Внутри былолюдно – дневная смена, десяток аналитиков за своими станциями. Лин узнала некоторых: Томас Нильсен, её сосед по ряду, специалист по акустическим паттернам; Марта Вебер, молодая математик, которая пришла в Агентство год назад; доктор Ибрагим, седой египтянин, работавший здесь дольше всех.

Никто не посмотрел на неё, когда она вошла. Все были заняты своими экранами, своими фрагментами, своими кусочками мозаики, которую никто не видел целиком.

Лин прошла к своей станции, села, включила систему. Экран ожил, запросил авторизацию, принял её код. На рабочем столе появились иконки файлов – те же, что вчера, что неделю назад, что год назад. Фрагмент 7734-Δ всё ещё был в центре, помеченный как «активный».

Она открыла его.

Семь концентрических кругов. Три луча. Знакомый паттерн, над которым она работала три недели.

Но теперь она видела его иначе.

Это было как... Лин искала сравнение и не находила точного. Как будто раньше она смотрела на картину через матовое стекло, а теперь стекло убрали. Или как будто она была дальтоником, который вдруг увидел цвета. Фрагмент не изменился – изменилась она.

Круги были не просто кругами. Они были волнами – колебаниями в какой-то среде, которую Лин не могла назвать. Лучи были не просто линиями – они были направлениями, векторами, указывающими на что-то за пределами изображения. Вместе они образовывали... карту? Инструкцию? Приглашение?

Она не знала.

Но она видела.

Лин потянулась к клавиатуре и начала печатать заметки. Слова шли легко – слишком легко, как будто кто-то диктовал их ей, а она только записывала. «Концентрические круги = стоячие волны в n-мерном пространстве. Углы лучей = проекции из высших измерений на плоскость восприятия. Корреляция с фрагментом 2891-B: общий базис, разные срезы».

Она остановилась, перечитала написанное.

Откуда она знала это?

Три недели назад у неё была только гипотеза – смутное ощущение, что фрагменты как-то связаны. Теперь она видела связь так же ясно, как видела экран перед собой. Но она не могла объяснить, как пришла к этому выводу. Не было цепочки рассуждений, не было логических шагов. Просто – знание. Готовое, оформленное, неоспоримое.

«Это заражение», – сказал голос в её голове. – «Заражённые видят связи, которых нет. Они убеждены в своей правоте. Они не сомневаются».

Но она сомневалась. Разве это не доказательство того, что она не заражена?

Или сомнение – тоже часть механизма? Защитный рефлекс патогена, который маскируется под критическое мышление?

Лин закрыла глаза, потёрла переносицу. Очки давили – слишком сильно, как будто они стали тяжелее. Она сняла их, положила на стол, открыла глаза. Мир расплылся – знакомая близорукость, размытые контуры, нечёткие цвета.

Но спираль была там.

Не на экране – в её голове. Она чувствовала её, как чувствуют боль или голод. Присутствие чего-то, что не должно быть здесь, но есть. Чужеродное – и одновременно родное, как будто спираль всегда была частью неё, а она только сейчас это заметила.

– Лин?

Голос заставил её вздрогнуть. Она повернулась – Томас Нильсен стоял рядом, держа в руках две чашки кофе. Высокий блондин с добродушным лицом и вечной полуулыбкой. Они работали бок о бок четыре года, и за это время у них сложилось что-то вроде дружбы – не близкой, но тёплой.

– Кофе? – спросил он, протягивая одну чашку.

– Спасибо.

Она взяла чашку, сделала глоток. Кофе был горький и слегка остывший – автомат в секторе делал только такой.

– Слышал, ты была здесь ночью, когда случился сбой, – сказал Томас, садясь на край её стола. Это было нарушение протокола – посторонние предметы на рабочих поверхностях – но Томас никогда не относился к протоколам серьёзно. – Всё нормально?

– Да. Экран погас, я ушла домой.

– И всё?

– И всё.

Томас смотрел на неё – внимательно, чуть дольше, чем требовалось для обычного вопроса. Лин знала этот взгляд. Она видела его у медиков, когда они проверяли сотрудников на признаки заражения. Оценивающий. Ищущий.

– Просто ты выглядишь... – он замолчал, подбирая слово.

– Усталой?

– Другой.

Лин не ответила. Она не знала, что сказать. «Да, я другая, потому что вчера ночью я видела структуру вселенной и не могу перестать думать о ней»? Это был бы честный ответ. Это был бы также ответ, который привёл бы её в Санаторий.

– Плохо спала, – сказала она вместо этого. – Сбой разбудил.

Томас кивнул – недоверчиво, но не настаивая.

– Ладно. Если что – я рядом.

Он встал, пошёл к своей станции. Лин смотрела ему вслед, думая о том, как легко далась ей эта ложь. Вчера утром она солгала Маркусу – и чувствовала себя виноватой. Сейчас она солгала Томасу – и не чувствовала ничего.

Это было тревожным знаком.

Или нет?

Она вернулась к работе.

Следующие несколько часов прошли странно.

Лин работала – читала заметки, сравнивала фрагменты, делала записи – но время двигалось рывками, как будто кто-то вырезал из него куски. Она поднимала глаза, и оказывалось, что прошёл час. Она смотрела на экран, и понимала, что не помнит последних десяти минут.

При этом работа продвигалась. Продвигалась быстрее, чем когда-либо.

К трём часам дня она исписала полтора блокнота – больше, чем обычно за неделю. Её заметки были плотными, подробными, связными. Она перечитывала их и удивлялась собственным выводам: некоторые идеи были новыми, неожиданными, такими, которые не приходили ей в голову раньше. Как будто кто-то другой писал за неё.

Она не знала, хорошо это или плохо.

К четырём часам Марта Вебер подошла к её станции – молодая женщина с короткими рыжими волосами и россыпью веснушек на носу.

– Лин, можно тебя отвлечь?

– Да?

Марта протянула ей планшет с графиком.

– Я работаю над фрагментом 4402-Г. Тот, который, по твоей гипотезе, может коррелировать с 7734-Δ. Я нашла кое-что странное, хотела спросить твоё мнение.

Лин взяла планшет, посмотрела на график. Данные были знакомыми – она видела этот фрагмент много раз, хотя никогда не работала с ним напрямую. Акустический паттерн, преобразованный в визуальную форму: пики и спады, ритмы и паузы.

И – связь.

Она видела её сразу, без анализа, без вычислений. Фрагмент 4402-Г и фрагмент 7734-Δ были частями одной структуры – как два слова из одного предложения, как две ноты из одной мелодии. Они не были идентичны, но они были об одном.

– Здесь, – сказала Лин, указывая на участок графика. – Видишь этот пик? Он повторяется через каждые семнадцать единиц. А в моём фрагменте семь кругов – семнадцать минус десять. Это не случайность.

Марта нахмурилась.

– Откуда ты знаешь?

– Я... – Лин остановилась.

Откуда она знала? Минуту назад она не знала. Она смотрела на график – и вдруг знание было там, готовое, как подарок, который кто-то положил ей в голову.

– Интуиция, – сказала она. – Нужно проверить.

– Я проверю.

Марта забрала планшет и ушла, но её взгляд – быстрый, скользящий – сказал Лин больше, чем слова. Марта заметила. Заметила, что Лин отвечает слишком быстро, слишком уверенно, без обычных оговорок и сомнений.

Лин смотрела ей вслед и думала о том, сколько ещё людей заметят.

К пяти часам сектор начал пустеть – дневная смена заканчивалась, аналитики уходили домой. Лин осталась. Она не планировала оставаться – она помнила, как Маркус сказал «отдохни сегодня» – но работа не отпускала. Идеи шли одна за другой, быстрее, чем она успевала их записывать.

Она открыла новый файл – сравнительный анализ фрагментов. Начала вводить данные. Пальцы летали по клавиатуре, глаза бегали между экранами, мозг работал с такой скоростью, которой она не знала за собой раньше.

Это было похоже на... счастье? Нет, не совсем. Скорее – на правильность. На ощущение, что она наконец делает то, для чего предназначена.

Солнце за окном – которого здесь не было – должно было клониться к закату. Лин не знала, который час. Она не смотрела на часы. Время не имело значения, когда работа шла так хорошо.

В какой-то момент она потянулась за блокнотом, чтобы записать очередную идею.

И увидела рисунок.

Спираль.

Она была на полях страницы – аккуратная, симметричная, нарисованная чёрной ручкой. Семь витков, закручивающихся к центру. Линии – уверенные, без помарок, как будто рука знала, что рисует.

Лин смотрела на спираль, и холод разливался по её позвоночнику.

Она не помнила, когда нарисовала это.

Она взяла блокнот, перелистала страницы назад. На предыдущей – заметки о фрагменте 7734-Δ, датированные сегодняшним числом. На странице до этого – вчерашние записи, без рисунков. Спираль была на текущей странице, рядом с незаконченным предложением: «Корреляция между акустическими и визуальными паттернами предполагает общий...»

Она не дописала предложение. Вместо этого она начала рисовать.

Когда?

Лин посмотрела на часы: 18:43. Три часа прошло с тех пор, как Марта задала ей вопрос. Три часа, которые слились в один непрерывный поток работы. Она не помнила, чтобы вставала, не помнила, чтобы пила воду, не помнила, чтобы делала перерыв.

Она не помнила, чтобы рисовала.

Но спираль была здесь – чёткая, неоспоримая, нарисованная её рукой.

«Первый явный симптом», – сказал голос в её голове. Холодный, клинический, как будто он принадлежал врачу, а не ей. – «Заражённые рисуют спирали. Они делают это бессознательно, не замечая. Это один из ключевых маркеров».

Она знала это. Она читала отчёты.

Доктор Ковалёв, 2089 год, группа «Первый Контакт». Начал рисовать спирали на четвёртый день после экспозиции. Сначала – на полях документов. Потом – на салфетках, на стенах, на собственной коже. Когда его спрашивали, он не помнил, что рисовал. Когда ему показывали рисунки, он улыбался и говорил: «Красиво, правда?»

Через две недели он покончил с собой.

Нет, не так. Через две недели он попытался взломать серверы, чтобы получить доступ к полному Сигналу. Когда его остановили, он разбил голову о стену. Улыбаясь.

Лин положила блокнот на стол. Её руки дрожали – впервые за весь день. Она смотрела на спираль и видела в ней два смысла одновременно.

Первый: это симптом. Она заражена. Процесс начался, и остановить его нельзя.

Второй: это знак. Она на верном пути. Спираль – не враг, а проводник.

Она не знала, какой смысл правильный. Она не знала, можно ли вообще узнать.

Сектор был пуст – все ушли, пока она работала. Только гул вентиляции, мерцание экранов, тишина, которая давила на уши. Лин сидела одна, перед открытым блокнотом, и смотрела на рисунок, который сделала её собственная рука без её ведома.

Она думала о матери.

Мэй Чжоу тоже была одержима. Тоже работала днями напролёт, забывая о еде и сне. Тоже видела связи, которых не видели другие. Тоже умерла, не закончив свою работу.

Была ли она заражена?

Не Сигналом – его ещё не было – но чем-то похожим? Идеей, которая захватила её разум и не отпускала до самой смерти?

Лин подумала о том, что, возможно, склонность к заражению передаётся по наследству. Не генетически – эпигенетически. Или культурно. Дочь, которая выросла, наблюдая одержимость матери, научилась одержимости сама. Унаследовала не только вопрос – но и неспособность остановиться.

Это было бы иронично. И страшно.

Она перевернула страницу блокнота, закрывая спираль. Смотреть на неё было невыносимо – не потому что рисунок был пугающим, а потому что он был красивым. Слишком красивым. Она хотела смотреть на него бесконечно, изучать каждый виток, искать в нём...

Что?

Она не знала.

Лин встала, прошлась по залу. Пустые станции смотрели на неё тёмными экранами. Она чувствовала себя одинокой – и одновременно не одинокой, как будто кто-то наблюдал за ней из темноты. Не человек. Что-то другое.

Спираль.

Она была везде – в узорах на потолке, в линиях вентиляционных решёток, в изгибах кабелей, которые тянулись вдоль стен. Лин не видела её буквально – она не галлюцинировала – но чувствовала. Присутствие. Паттерн, который пронизывал всё.

«Это и есть заражение», – сказал клинический голос. – «Навязчивое восприятие связей. Апофения в крайней форме».

«Или это реальность», – возразил другой голос, тише и теплее. – «То, что ты видишь – правда. Связи существуют. Они всегда существовали. Ты просто научилась их видеть».

Два голоса. Два объяснения. Никакого способа узнать, какое из них верно.

Лин вернулась к своей станции, выключила компьютер. Экран погас – чёрный прямоугольник, в котором отражалось её лицо. Она смотрела на это отражение и видела женщину, которую не узнавала.

Или узнавала слишком хорошо.

Она взяла сумку, куртку, блокнот с рисунком. Хотела оставить блокнот здесь – улика, доказательство – но не смогла. Он был частью неё теперь. Частью того, чем она становилась.

Кем она становилась?

Она не знала.

Путь домой был долгим.

Не физически – те же три станции метро, те же двадцать минут в вагоне – но внутренне. Лин сидела у окна, смотрела на мелькающие стены туннеля и думала.

Она думала о том, что должна рассказать Маркусу. Показать ему блокнот, признаться в том, что видела во время сбоя, попросить его...

Попросить о чём?

Изолировать её? Отправить в Санаторий? Наблюдать, как она медленно превращается в одну из тех счастливых фигур, которые рисуют спирали на стенах и ждут «следующей части»?

Она не хотела этого.

Но чего она хотела?

Узнать больше. Увидеть четвёртый виток. Понять, что обещает Сигнал.

Это было желание заражённой.

Или желание учёного.

Или и то, и другое одновременно.

Поезд остановился на её станции. Лин вышла, поднялась по эскалатору, вышла на улицу. Вечер был тёплым – непривычно тёплым для марта. Люди гуляли по набережной, сидели в кафе, смеялись. Нормальная жизнь. Жизнь тех, кто никогда не слышал о Сигнале.

Лин завидовала им.

И одновременно – жалела. Они не знали. Они не видели. Они были слепы, как она была слепа ещё вчера.

«Высокомерие», – отметил клинический голос. – «Ещё один симптом. Заражённые считают себя избранными. Считают, что видят истину, скрывают от других».

Лин не чувствовала себя избранной. Она чувствовала себя... потерянной. Между двумя мирами, двумя объяснениями, двумя версиями себя. Та Лин, которая существовала до вчерашней ночи, была простой: учёный, жена, дочь умершей матери. Эта Лин – новая – была кем-то другим. Кем-то, кого она ещё не знала.

Она дошла до дома, поднялась на лифте, открыла дверь.

Маркус был на кухне. Он готовил ужин – она чувствовала запах чеснока и жареного лука. Обычно он не готовил по вечерам; обычно они заказывали еду или ели остатки. Но сегодня он стоял у плиты, помешивая что-то в сковороде, и его спина была напряжённой.

Он ждал её.

– Привет, – сказала она, входя на кухню.

Он обернулся. Его глаза – внимательные, оценивающие – скользнули по её лицу. Он искал что-то. Симптомы? Признаки? Она не знала.

– Привет. Как работа?

– Нормально.

Ложь. Ещё одна. Они накапливались, как снежинки в метели.

– Ты задержалась.

– Много данных. Хотела закончить.

Он кивнул, повернулся обратно к плите. Но его плечи не расслабились. Он знал что-то. Или подозревал.

– Ужин через десять минут, – сказал он. – Иди переодейся.

Лин пошла в спальню, закрыла за собой дверь. Она стояла посреди комнаты, глядя на кровать – их кровать, место, где они спали рядом восемнадцать лет – и чувствовала себя чужой. Как будто она вошла в дом, который принадлежал кому-то другому.

Она открыла сумку, достала блокнот. Открыла страницу со спиралью.

Рисунок смотрел на неё – семь витков, закручивающихся к центру. Простая геометрия. Древний символ. Форма, которая встречается везде: в галактиках, в раковинах, в отпечатках пальцев.

Форма, которую она нарисовала, не помня об этом.

Лин провела пальцем по линиям. Они были гладкими, уверенными. Она хорошо рисовала – не как художник, но достаточно, чтобы делать схемы и диаграммы. Эта спираль была лучше, чем всё, что она рисовала раньше. Совершеннее.

Как будто её рукой водил кто-то другой.

Она закрыла блокнот, спрятала его в ящик стола. Переделалась в домашнее, пошла на кухню.

Маркус уже накрыл на стол. Паста с овощами, хлеб, вино. Он наливал ей бокал, когда она вошла.

– Выглядишь уставшей, – сказал он.

– Я в порядке.

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что это всегда правда.

Он не ответил. Они сели за стол, начали есть. Молча, как обычно по вечерам. Молчание было привычным – комфортным, как старое одеяло. Но сегодня оно давило.

Лин смотрела на Маркуса и думала о том, что он знает. Он глава карантинной службы. Он видел отчёты. Он знает, что она была в секторе во время сбоя.

Почему он не спрашивает?

Потому что ждёт, что она расскажет сама? Или потому что боится услышать ответ?

Она думала о том, чтобы рассказать. Прямо сейчас, за ужином. «Маркус, я видела Сигнал. Настоящий, полный, без фильтров. Семь десятых секунды. И теперь я вижу связи, кото-

рых не видела раньше. И я рисую спирали, не помня об этом. И я не знаю, заражена ли я, или просто... изменилась».

Но слова не шли.

Потому что если она скажет – он будет обязан действовать. Протокол. Правила. Изоляция. Всё, чего она боялась.

И потому что если она скажет – она признает, что что-то не так. А она не была уверена в этом. Может быть, с ней всё в порядке. Может быть, она просто устала, перенапряглась, увидела больше, чем обычно, потому что её разум был открыт.

Может быть.

Или может быть – нет.

– О чём думаешь? – спросил Маркус.

Лин подняла глаза. Он смотрел на неё – тем взглядом, который она знала восемнадцать лет. Взглядом человека, который любит её. Который хочет защитить её.

От чего?

От неё самой?

– О работе, – сказала она. – Сегодня был продуктивный день.

Это была правда. Первая за весь день.

Маркус кивнул.

– Хорошо.

Они закончили ужин, убрали посуду, разошлись по разным комнатам. Он – в кабинет, она – в спальню. Обычный вечер. Обычный ритуал расхождения.

Лин легла на кровать, закрыла глаза. Спираль была там – за закрытыми веками, в темноте, которая не была пустой. Она мерцала, пульсировала, звала.

Четвёртый виток. Ответ. «Зачем».

Она хотела узнать.

Она боялась узнать.

Она не знала, что из этого – её настоящее желание.

Глава 4: Нулевой пациент

АРХИВ АГЕНТСТВА КАРАНТИНА Уровень допуска: 6 Документ: АК/ИСТ/2089-001 Классификация: ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП

СТЕНОГРАММА ПОКАЗАНИЙ Свидетель: Др. Амара Диалло Должность на момент событий: Старший лингвист, проект «Первый Контакт» Дата показаний: 14 ноября 2089 года Место: Временный штаб ООН, Женева Следователь: Комиссар Ханс Мюллер

[НАЧАЛО ЗАПИСИ]

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, пожалуйста, назовите своё полное имя и должность для протокола.

ДИАЛЛО: Амара Фату Диалло. Старший лингвист проекта «Первый Контакт». Была старшим лингвистом. Не знаю, существует ли ещё эта должность.

МЮЛЛЕР: Проект приостановлен до выяснения обстоятельств.

ДИАЛЛО: Приостановлен. Да. Хорошее слово.

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, я понимаю, что последние недели были трудными. Но нам необходимы ваши показания для понимания того, что произошло. Вы готовы продолжать?

ДИАЛЛО: Готова ли я? Комиссар, я не спала нормально с двенадцатого сентября. Я видела, как мои коллеги – мои друзья – превращались в... я даже не знаю, как это назвать. Готова ли я говорить об этом? Нет. Но я буду, потому что кто-то должен. Потому что если я не расскажу, это повторится.

МЮЛЛЕР: Начнём с начала. Когда вы присоединились к проекту «Первый Контакт»?

ДИАЛЛО: В марте 2089 года. Меня пригласил доктор Юрий Ковалёв – он был руководителем проекта. Мы познакомились на конференции в Москве годом раньше, я выступала с докладом о дешифровке протоэламского письма. После доклада он подошёл ко мне и сказал: «Доктор Диалло, вы занимаетесь мёртвыми языками. Как бы вы отнеслись к языку, который никогда не был живым?»

Я думала, он шутит. Он не шутил.

МЮЛЛЕР: Что вы знали о Сигнале до присоединения к проекту?

ДИАЛЛО: То же, что все. Что в 2087 году радиотелескоп в Аресибо принял странную передачу из системы Тау Кита. Что передача повторялась с точной периодичностью. Что это не было естественным явлением. Официальная позиция была осторожной – «аномалия, требующая изучения». Но все понимали, что это значит.

Первый контакт. Доказательство того, что мы не одни.

МЮЛЛЕР: Каково было ваше первое впечатление от проекта?

ДИАЛЛО: Хаос. Организованный хаос. Сорок семь человек – астрофизики, математики, лингвисты, специалисты по теории информации – собрали в бывшем военном бункере под Женевой и дали им одну задачу: понять, что говорит Сигнал.

Первые недели мы даже не знали, с чего начать. Сигнал не был похож ни на что известное. Не текст, не изображение, не звук – или всё это одновременно. Данные можно было интерпретировать по-разному, и каждая интерпретация давала что-то новое. Юрий говорил, что это как... как смотреть на облако и видеть в нём лица. Только лица были настоящими.

МЮЛЛЕР: Когда вы впервые заметили изменения в поведении коллег?

ДИАЛЛО: (пауза)

Это сложный вопрос. Изменения были... постепенными. Сначала – просто энтузиазм. Все были взволнованы, все работали допоздна, все говорили о Сигнале за обедом, за ужином, в коридорах. Это казалось нормальным. Мы занимались самым важным открытием в истории человечества – конечно, мы были взволнованы.

Первое, что я заметила по-настоящему, было... рисунки.

МЮЛЛЕР: Рисунки?

ДИАЛЛО: Спирали. Маленькие, аккуратные спирали на полях документов, на салфетках в столовой, на обложках блокнотов. Сначала я думала, что это просто... знаете, как люди рисуют, когда думают? Кружочки, линии, абстрактные узоры. Но потом я заметила, что все рисуют одно и то же. Одну и ту же спираль. Семь витков, закручивающихся к центру.

Я спросила Марину – доктора Марину Чен, она была математиком – почему она рисует спирали. Она посмотрела на меня так, будто я спросила что-то очевидное. «Это не я рисую», – сказала она. – «Это Сигнал. Он такой формы».

МЮЛЛЕР: Что она имела в виду?

ДИАЛЛО: Я тогда не поняла. Теперь понимаю.

Сигнал – это не линейная информация. Это структура. Паттерн. Если представить его визуально, он выглядит как спираль – бесконечная спираль, где каждый виток содержит следующий. Марина увидела это первой. Потом – остальные. Они не рисовали спираль – они пытались изобразить то, что видели в данных.

Я не видела. Тогда – не видела.

МЮЛЛЕР: Почему вы – не видели?

ДИАЛЛО: Не знаю. Может быть, потому что я работала с языковыми аспектами, а не с визуальными. Может быть, потому что я смотрела на Сигнал как на текст, который нужно перевести, а не как на... (пауза) ...на откровение.

Может быть, мне просто повезло.

МЮЛЛЕР: Продолжайте. Что происходило дальше?

ДИАЛЛО: К концу августа ситуация изменилась. Люди перестали уходить домой. Формально у нас был график – двенадцатичасовые смены, потом отдых – но никто его не соблюдал. Я приходила утром и видела тех же людей, которых оставила вечером. Они сидели перед экранами, делали заметки, разговаривали друг с другом – но не о семьях, не о новостях, не о чём-то за пределами бункера. Только о Сигнале.

Юрий – доктор Ковалёв – изменился больше всех. Раньше он был... как это сказать... живым. Он шутил, смеялся, рассказывал истории о своих кошках. К сентябрю он перестал говорить о чём-либо, кроме работы. Когда я спрашивала его о самочувствии, он отвечал: «Всё хорошо, Амара. Всё замечательно. Мы так близко».

«Близко к чему?» – спрашивала я.

Он улыбался и не отвечал.

[ПЕРЕРЫВ В ЗАПИСИ – 15 МИНУТ]

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, вы упомянули ночной визит доктора Ковалёва. Можете рассказать подробнее?

ДИАЛЛО: Двенадцатое сентября. Три часа ночи. Я спала в своей комнате – нам выделили жильё в надземной части комплекса. Проснулась от стука в дверь.

Это был Юрий. Он стоял в коридоре в той же одежде, в которой я видела его два дня назад – мятая рубашка, пятна кофе на манжетах. Его глаза были... странными. Широко открытые, блестящие, как будто он плакал. Но он не плакал. Он улыбался.

«Амара», – сказал он. – «Я понял. Я наконец понял».

Я спросила, что он понял. Он вошёл в комнату – не спрашивая разрешения, он никогда раньше так не делал – сел на край кровати и начал говорить.

Он говорил о Сигнале. О том, что он – не послание, не приветствие, не предупреждение. Он говорил, что Сигнал – это приглашение. Инструкция. Чертёж.

«Они хотят, чтобы мы построили», – сказал он.

Я спросила: «Кто – они? Построили – что?»

Он посмотрел на меня так, как смотрят на ребёнка, который задаёт глупый вопрос.

«Передачик, Амара. Они хотят, чтобы мы построили передачик. Чтобы передать Сигнал дальше. Чтобы закончить».

«Закончить что?»

«Всё», – сказал он. И улыбнулся.

Я до сих пор вижу эту улыбку. Она была абсолютно искренней. Абсолютно счастливой. И абсолютно... (пауза) ...пустой. Как улыбка человека, который смотрит на что-то прекрасное, но не видит тебя. Не видит комнату. Не видит ничего, кроме того, что у него в голове.

МЮЛЛЕР: Что произошло дальше?

ДИАЛЛО: Я попыталась его успокоить. Сказала, что он устал, что ему нужно отдохнуть. Он не слушал. Он продолжал говорить – о спирали, о витках, о «следующей части». Он говорил, что Сигнал обещает ответ. Ответ на всё. На вопрос, который задаёт каждое разумное существо.

«Какой вопрос?» – спросила я.

«Зачем», – ответил он. – «Зачем мы существуем. Зачем вселенная существует. Зачем что-либо существует. Сигнал знает. И он скажет нам – если мы построим».

Он говорил около часа. Потом встал, поблагодарил меня за то, что выслушала, и ушёл. Как будто это был обычный разговор. Как будто он зашёл обсудить результаты эксперимента.

Я не спала до утра. Я сидела на кровати и думала о том, что услышала. И о том, как изменился человек, которого я знала.

МЮЛЛЕР: Вы сообщили о разговоре руководству?

ДИАЛЛО: На следующее утро. Я пошла к доктору Мейеру – он был заместителем Юрия, отвечал за безопасность проекта. Рассказала ему всё.

Он выслушал. Потом сказал: «Амара, вы же понимаете, что Юрий прав?»

Я не поняла сначала. Думала, он говорит о научной гипотезе. Потом увидела его руки – он держал карандаш и рисовал на блокноте. Спираль. Ту же спираль.

Мейер был заражён. Как Юрий. Как Марина. Как... (пауза) ...как большинство.

МЮЛЛЕР: Что вы сделали?

ДИАЛЛО: Запаниковала. Если честно – запаниковала. Я выбежала из кабинета Мейера, пошла по коридорам, заглядывая в лаборатории. Везде было одно и то же: люди, склонившиеся над экранами, люди, рисующие спирали, люди с улыбками на лицах. Счастливые люди.

Я нашла Ричарда – доктора Ричарда Фенга, он был нейробиологом. Он сидел в углу столовой и смотрел в одну точку. Когда я подошла, он поднял на меня глаза и сказал: «Ты не видишь, да? Бедная Амара. Ты не видишь».

Потом он вернулся к своему созерцанию.

Я позвонила наружу. В ООН, в правительство, куда угодно. Сказала, что происходит что-то неправильное. Что люди ведут себя странно. Что нужна помощь.

Через шесть часов прибыла группа реагирования.

[ПЕРЕРЫВ В ЗАПИСИ – 30 МИНУТ]

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, опишите, пожалуйста, что увидела группа реагирования.

ДИАЛЛО: Они увидели... (долгая пауза) ...они увидели ад. Или рай. Зависит от точки зрения.

В главной лаборатории находились тридцать один человек из сорока семи членов проекта. Они работали – все одновременно, в полной тишине, без разговоров. Некоторые сидели за компьютерами. Некоторые писали на досках. Некоторые просто стояли, глядя на экраны с данными Сигнала.

Когда их попытались вывести, они не сопротивлялись. Но они не уходили. Они говорили: «Подождите, мы почти закончили». «Ещё немного, и мы поймём». «Не мешайте, пожалуйста».

Одна женщина – не помню её имени, она была физиком – плакала, когда её оттащили от компьютера. Не от страха. От разочарования. «Я была так близко», – повторяла она. – «Так близко к ответу».

МЮЛЛЕР: Были ли случаи агрессии?

ДИАЛЛО: Два. Доктор Вернер – не путайте с вашим коллегой, это другой Вернер – попытался ударить охранника, который выключил его компьютер. Его успокоили. Доктор Ковалёв...

(долгая пауза)

Юрий отказался уходить. Он сказал, что не может остановиться. Что если он остановится сейчас, он потеряет нить. Потеряет связь. Когда его попытались вывести силой, он...

Он разбил голову о стену.

Он выжил. Его увезли в госпиталь. Но он так и не вернулся. Не к работе – к себе. Он сейчас в специализированном учреждении. Улыбается. Рисует спирали. Ждёт «следующей части».

МЮЛЛЕР: Из сорока семи членов проекта – сколько оказались... затронуты?

ДИАЛЛО: Тридцать один человек не смогли прекратить работу добровольно. Их пришлось изолировать.

Восемь человек покончили с собой в течение следующих двух недель. Когда их отстранили от данных, они не выдержали. Один – отравление. Двое – повешение. Остальные... разными способами. Все оставили записки. Записки были похожи: «Я не могу жить, не зная. Я не могу жить вдали от ответа».

Восемь человек оказались незатронутыми. Или затронутыми минимально. Мы – я говорю «мы», потому что я одна из них – мы смогли отойти. Смогли перестать смотреть.

Я не знаю почему. Может быть, мы были менее уязвимы. Может быть, нам повезло. Может быть... (пауза) ...может быть, мы просто недостаточно сильно хотели знать.

[ДОКУМЕНТ: МЕМОРАНДУМ]

ОТ: Специальная комиссия ООН по внеземным контактам **КОМУ:** Генеральный секретарь ООН **ДАТА:** 3 октября 2089 года **ТЕМА:** Предварительные выводы по инциденту «Первый Контакт»

КЛАССИФИКАЦИЯ: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОБЫТИЙ

12 сентября 2089 года в исследовательском комплексе проекта «Первый Контакт» (Женева, Швейцария) произошёл инцидент, приведший к массовому поражению персонала неизвестным агентом когнитивного воздействия.

Из 47 членов научной группы:

31 человек демонстрирует устойчивые признаки когнитивного изменения (невозможность прекратить работу над данными Сигнала, навязчивые мысли, изменение приоритетов)

8 человек совершили самоубийство в период с 13 по 28 сентября

8 человек не демонстрируют признаков поражения

2. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АГЕНТА

На основании показаний выживших и анализа данных Сигнала, комиссия предлагает следующую рабочую гипотезу:

Сигнал содержит информационный паттерн, способный вызывать устойчивые изменения в когнитивных процессах при достаточной экспозиции. Механизм воздействия предположительно связан с эксплуатацией базовых нейробиологических систем вознаграждения и целеполагания.

Паттерн НЕ является:

Вирусом в биологическом смысле

Программным кодом для взлома вычислительных систем

Гипнотическим или суггестивным воздействием в традиционном понимании

Паттерн ЯВЛЯЕТСЯ:

Информационной структурой, оптимизированной для захвата внимания разумных систем

Потенциально – результатом длительной эволюции/оптимизации

3. РЕКОМЕНДАЦИИ

3.1. Немедленное прекращение всех работ с данными Сигнала до разработки защитных протоколов.

3.2. Создание специализированного органа для контроля информации внеземного происхождения (рабочее название: Агентство Карантина).

3.3. Разработка протокола безопасной работы с данными, исключающего прямую экспозицию персонала полному паттерну.

3.4. Засекречивание всей информации об инциденте во избежание паники.

3.5. Долгосрочное наблюдение за всеми выжившими членами проекта.

[ПРОДОЛЖЕНИЕ СТЕНОГРАММЫ ПОКАЗАНИЙ]

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, вы были одной из тех, кто предложил название «Протокол Орфея». Почему именно это название?

ДИАЛЛО: (пауза)

Вы знаете миф об Орфее?

МЮЛЛЕР: В общих чертах.

ДИАЛЛО: Орфей спустился в подземный мир, чтобы вернуть свою жену Эвридику. Аид согласился отпустить её – с одним условием: Орфей должен идти впереди и не оборачиваться, пока не выйдет на поверхность. Если обернётся – Эвридика останется в царстве мёртвых навсегда.

Орфей почти дошёл. Он был у самого выхода, он видел свет. Но он не выдержал. Он обернулся – чтобы убедиться, что она идёт за ним. И потерял её.

МЮЛЛЕР: Я понимаю аллюзию, но...

ДИАЛЛО: Нет. Вы не понимаете.

Мы все хотим обернуться. Это человеческая природа – хотеть знать, хотеть видеть, хотеть убедиться. Орфей был музыкантом, он понимал красоту, он любил свою жену. И именно поэтому он не смог удержаться.

Сигнал – это Эвридика. Он идёт за нами. Он обещает ответы. Он прекрасен – я слышала, как его описывают те, кто видел. Они говорят о музыке, о гармонии, о понимании. Они говорят, что видели структуру вселенной.

И они не могут отвернуться.

Протокол Орфея – это наша мачта. Помните Одиссея и сирен? Он приказал привязать себя к мачте, чтобы услышать пение и не броситься в воду.

Мы должны привязать себя. Мы должны не оборачиваться. Мы должны не смотреть – потому что если посмотрим, мы потеряем всё.

МЮЛЛЕР: Вы верите, что Сигнал действительно содержит ответы?

ДИАЛЛО: (долгая пауза)

Я не знаю.

Юрий верил. Марина верила. Все они – верили. Они были счастливы, комиссар. По настоящему счастливы. Счастливее, чем любой человек, которого я когда-либо видела.

Может быть, они нашли то, что искали. Может быть, Сигнал действительно даёт ответ. Может быть, мы – незаражённые – просто слишком трусливы или слишком тупы, чтобы его принять.

Но я видела, как Ричард Фенг перестал узнавать свою жену. Она приезжала каждый день – плакала, умоляла его посмотреть на неё. Он смотрел сквозь неё. Он был в другом месте.

Я видела, как Юрий разбил голову о стену – улыбаясь.

Если это – цена ответа, я не хочу его знать.

[ДОКУМЕНТ: ПРОТОКОЛ ОРФЕЯ – ЧЕРНОВАЯ ВЕРСИЯ]

Дата: 15 октября 2089 года Статус: На утверждении Авторы: Специальная комиссия ООН при участии др. А. Диалло, др. К. Ямамото, др. Р. Штейн

ПРЕАМБУЛА

Настоящий Протокол устанавливает правила работы с информацией внеземного происхождения, имеющей потенциал когнитивного воздействия на человека.

Протокол основан на принципе минимизации прямого контакта с опасными паттернами при сохранении возможности научного изучения.

РАЗДЕЛ 1: ОПРЕДЕЛЕНИЯ

1.1. «Сигнал» – информационный паттерн внеземного происхождения, способный вызывать устойчивые изменения когнитивных процессов.

1.2. «Экспозиция» – любой контакт с Сигналом или его производными, включая визуальный, аудиальный, тактильный.

1.3. «Полный паттерн» – Сигнал в его оригинальной форме, содержащий все структурные связи.

1.4. «Обеззараженный фрагмент» – часть Сигнала, из которой удалены опасные структурные связи.

1.5. «Заражение» – состояние, при котором субъект демонстрирует признаки когнитивного воздействия Сигнала.

РАЗДЕЛ 2: УРОВНИ ЭКСПОЗИЦИИ

2.1. Уровень 0 (Чистый): Отсутствие контакта с любыми формами Сигнала.

2.2. Уровень 1 (Затронутый): Контакт с обеззараженными фрагментами. Минимальный риск. Требуется базовый мониторинг.

2.3. Уровень 2 (Контактный): Непреднамеренная кратковременная экспозиция полному паттерну (до 0.3 секунды). Умеренный риск. Требуется расширенное наблюдение.

2.4. Уровень 3 (Резонансный): Экспозиция полному паттерну от 0.3 до 1 секунды. Высокий риск. Требуется немедленная изоляция и медицинское обследование.

2.5. Уровень 4 (Интегрированный): Экспозиция полному паттерну более 1 секунды или множественные экспозиции. Критический риск. Необратимые изменения вероятны.

РАЗДЕЛ 3: ПРОТОКОЛ РАБОТЫ

3.1. Прямой контакт с полным паттерном запрещён для всего персонала без исключений.

3.2. Работа ведётся исключительно с обеззараженными фрагментами, прошедшими многоступенчатую фильтрацию.

3.3. Время непрерывной работы с данными Сигнала ограничено 4 часами в сутки.

3.4. Все сотрудники проходят еженедельное психологическое тестирование.

3.5. Любые признаки заражения (навязчивые мысли о Сигнале, рисование спиралей, нарушение сна, эйфория без причины) требуют немедленного сообщения.

РАЗДЕЛ 4: КАРАНТИННЫЕ МЕРЫ

4.1. При обнаружении признаков заражения уровня 3 и выше субъект подлежит немедленной изоляции.

4.2. Изоляция производится в специализированном учреждении (рабочее название: Санаторий).

4.3. Изолированные субъекты сохраняют базовые гражданские права, но лишаются доступа к любой информации о Сигнале.

4.4. Срок изоляции – неопределённый, до появления эффективных методов лечения.

[ОКОНЧАНИЕ ДОКУМЕНТА]

[ЗАВЕРШЕНИЕ СТЕНОГРАММЫ ПОКАЗАНИЙ]

МЮЛЛЕР: Доктор Диалло, последний вопрос. Что, по вашему мнению, нам делать с Сигналом?

ДИАЛЛО: (долгая пауза)

Я не знаю.

Часть меня хочет сказать: уничтожить. Стереть все данные, взорвать серверы, забыть, что он существует. Закрыть эту дверь навсегда.

Но другая часть понимает: мы не можем. Сигнал транслируется постоянно. Любой, у кого есть достаточно мощный телескоп, может его принять снова. Уничтожить данные – не значит уничтожить источник.

И ещё... (пауза) ...и ещё я думаю о Юрии. О том, как он улыбался, когда говорил о Сигнале. Он верил, что нашёл смысл жизни. Он был счастлив – по-настоящему, глубоко счастлив. Имеем ли мы право отнимать у людей это счастье?

Но потом я вспоминаю Ричарда, который не узнаёт жену. Елену, которая повесилась, потому что не могла жить без «следующей части». Юрия, который разбил голову о стену.

Может быть, есть ответы, которые не стоит знать.

Может быть, есть двери, которые должны оставаться закрытыми.

Мы – человечество – тысячелетиями смотрели в небо и спрашивали: «Есть ли там кто-нибудь? Зачем мы существуем? В чём смысл?»

Теперь мы знаем, что там кто-то есть. Или был. И он оставил нам ответ.

Но цена этого ответа... (пауза)

Я не уверена, что мы готовы её платить.

МЮЛЛЕР: Благодарю вас, доктор Диалло. Запись завершена.

[КОНЕЦ ЗАПИСИ]

ПРИЛОЖЕНИЕ: СТАТУС ЧЛЕНОВ ПРОЕКТА «ПЕРВЫЙ КОНТАКТ» По состоянию на 1 января 2090 года

№

Имя

Специализация

Статус

1

Ковалёв Ю.А.

Руководитель проекта

Санаторий (уровень 4)

2

Мейер Г.

Безопасность

Санаторий (уровень 4)

3

Чен М.

Математика

Санаторий (уровень 4)

4

Фенг Р.

Нейробиология

Санаторий (уровень 4)

5

Вернер К.

Физика

Санаторий (уровень 3)

6

Штраус Е.
Астрофизика
Самоубийство (17.09.89)

7
Танака С.
Теория информации
Самоубийство (19.09.89)

8
Петров И.
Математика
Самоубийство (21.09.89)

9
Линдберг А.
Лингвистика
Самоубийство (23.09.89)

10
Козлова Н.
Физика
Самоубийство (24.09.89)

11
Ибрагимов Т.
Программирование
Самоубийство (25.09.89)

12
Мартинес Р.
Астрофизика
Самоубийство (27.09.89)

13
Вонг Л.
Нейробиология
Самоубийство (28.09.89)

...
...
...
...

40
Диалло А.
Лингвистика
Чистая (наблюдение)

41

Ямамото К.

Психология

Чистая (наблюдение)

42

Штейн Р.

Этика

Чистый (наблюдение)

...

...

...

...

47

Васкес Е.

Физика

Санаторий (уровень 4)

ПРИМЕЧАНИЕ АРХИВИСТА (добавлено в 2147 году):

Из восьми «чистых» членов проекта «Первый Контакт» к настоящему моменту в живых осталась только др. Амара Диалло (87 лет). Она продолжает работать консультантом Агентства Карантина.

Из тридцати одного «заражённого» члена проекта в живых остаются четверо, включая др. Елену Васкес (114 лет), которая до сих пор находится в Санатории Прометея. Все четверо демонстрируют стабильное состояние и не выражают желания покинуть Санаторий.

Протокол Орфея, разработанный по итогам инцидента «Первый Контакт», действует без существенных изменений уже 58 лет.

За это время было зафиксировано 847 случаев заражения различной степени тяжести.

Эффективного лечения до сих пор не существует.

Глава 5: Замочная скважина

Мать говорила: «Язык – это замочная скважина. Ты смотришь в неё и видишь комнату, в которой никогда не был. Видишь людей, которые умерли тысячи лет назад. Видишь их мысли, их страхи, их надежды. Они не знали, что ты будешь смотреть. Но они оставили тебе ключ».

Лин было двенадцать, когда она впервые услышала эти слова. Они сидели в кабинете матери – крошечной комнате, заваленной книгами и папками, где пахло старой бумагой и кофе. За окном шёл дождь, капли стекали по стеклу, и свет был серым, приглушённым, как в подводной лодке.

Мэй Чжоу склонилась над столом, рассматривая фотографию глиняной таблички. На табличке были знаки – странные, угловатые, непохожие ни на что известное. Лин стояла рядом, привстав на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Что там написано? – спросила она.

Мать улыбнулась – той особенной улыбкой, которая появлялась, когда она говорила о работе.

– Не знаю пока. Но узнаю.

– Как?

– Буду смотреть. Долго, внимательно. Буду искать паттерны – повторяющиеся элементы. Буду сравнивать с другими языками, с другими системами письма. Буду задавать вопросы и искать ответы.

– А если ответов нет?

Мать посмотрела на неё – серьёзно, как на взрослую.

– Ответы всегда есть, Лин. Просто иногда мы не готовы их услышать.

Лин открыла глаза.

Потолок спальни был белым, безликим – как все потолки в их квартире. За окном светало: небо наливалось бледно-розовым, первые лучи солнца касались горных вершин. Маркус ещё спал рядом – она чувствовала тепло его тела, слышала ровное дыхание.

Она не помнила, когда заснула. Не помнила снов – только ощущение, что мать была рядом. Голос, запах кофе, серый свет дождливого дня. Воспоминание или что-то другое?

Лин осторожно встала, стараясь не разбудить Маркуса. Прошла на кухню, налила воды, выпила одним глотком. Стакан был холодным в руках, вода – безвкусной. Обычные ощущения. Нормальные.

Она посмотрела в окно.

Город просыпался: огни в окнах, движение на улицах, жизнь, которая не знала о Сигнале и не думала о спиралях. Обычные люди, занятые обычными делами. Они шли на работу, пили кофе, целовали детей на прощание. Они не видели связей.

Лин видела.

Это было странно – как будто кто-то надел ей на глаза новые очки, и мир стал резче, объёмнее, значительнее. Она смотрела на облака и видела турбулентные потоки, формирующие их края. Смотрела на деревья и видела фрактальные структуры ветвей. Смотрела на своё отражение в стекле и видела...

Что?

Она не знала.

Она видела женщину, которая изменилась. Которая стала чем-то другим – или начала становиться. Процесс, который нельзя остановить. Или можно?

Лин отвернулась от окна.

Она должна была понять, что с ней происходит. Не эмоционально – она уже прошла через страх, через отрицание, через попытки убедить себя, что всё в порядке. Она должна была понять рационально. Научно. Как понимала мёртвые языки – через анализ, через сравнение, через поиск паттернов.

Она была учёным. Учёные не паникуют. Учёные исследуют.

В Агентство она приехала раньше обычного – в семь утра, когда коридоры ещё были пусты, а охранники на входе зевали и пили кофе из бумажных стаканчиков. Она прошла верификацию, спустилась в сектор 7-Альфа, села за свою станцию.

Экран ожил, запросил авторизацию. Лин ввела код и открыла архивную систему.

Архив Агентства Карантина был огромен – шестьдесят лет исследований, сотни терабайт данных, тысячи документов. Большая часть была засекречена: уровни допуска от одного до девяти, причём девятый был доступен только директору и членам совета. Лин имела четвёртый уровень – достаточно для работы с обеззараженными фрагментами, недостаточно для чего-либо серьёзного.

Но архив содержал и открытую информацию. Теоретические работы, опубликованные в научных журналах. Исторические отчёты, прошедшие рассекречивание. Интервью с учёными, которые работали над Сигналом в разные годы.

Лин начала с истории.

Она читала о группе «Первый Контакт» – о сорока семи учёных, которые первыми увидели Сигнал. О Юрии Ковалёве, который улыбался, разбивая голову о стену. О Елене Васкес, которая всё ещё жила в Санатории спустя пятьдесят восемь лет. О Протоколе Орфея, который создали выжившие, чтобы защитить человечество от того, что они видели.

Она читала показания Амары Диалло – единственной выжившей из «чистых», которая до сих пор работала консультантом. Диалло описывала, как менялись её коллеги: сначала – энтузиазм, потом – одержимость, потом – невозможность остановиться. Она описывала спирали на салфетках, улыбки на лицах, счастье, которое было страшнее любого горя.

«Они были счастливы», – писала Диалло. – «По-настоящему счастливы. И это было самое страшное».

Лин думала о том, что она тоже чувствует себя... не счастливой, нет. Но – правильной. Как будто всё встало на свои места. Как будто она нашла то, что искала всю жизнь.

Это был симптом?

Или это была истина?

Она перешла к теоретическим работам. Статьи о природе Сигнала, о механизмах заражения, о возможных способах защиты. Большинство были написаны сухим академическим языком, полным оговорок и неопределённости. Никто не знал точно, как работает Сигнал. Никто не мог объяснить, почему он действует на одних людей сильнее, чем на других.

Одна статья привлекла её внимание. «К вопросу о когнитивных аттракторах: Сигнал как математическая структура», автор – доктор Карл Линдквист, 2127 год.

Лин открыла статью и начала читать.

Линдквист предлагал модель, в которой Сигнал рассматривался не как информация, а как форма – математическая структура, к которой стремится любое мышление. Он сравнивал это с аттракторами в теории хаоса: состояниями, к которым система приходит независимо от начальных условий.

«Представьте шарик на поверхности с углублением», – писал Линдквист. – «Неважно, где вы положите шарик – он скатится в углубление. Сигнал – это такое углубление для разума. Достаточно один раз увидеть паттерн, и ваши мысли начинают "скатываться" к нему. Не потому что вас заставляют. Потому что это – естественное движение».

Лин перечитала абзац дважды.

Это объясняло многое. Объясняло, почему она не могла перестать думать о спирали. Почему её разум возвращался к ней снова и снова, как стрелка компаса возвращается к северу. Не принуждение – притяжение. Не команда – приглашение.

Но это не объясняло, почему одни люди «скатываются» быстрее других. Почему Диалло осталась «чистой», а Ковалёв – нет. Почему Лин видела связи, которых не видели коллеги.

Она продолжила поиск.

К десяти утра она прочитала двенадцать статей, три отчёта и семьдесят страниц показаний. Её глаза болели от экранного света, голова гудела от информации, но она не могла остановиться. Каждый документ вёл к другому, каждый ответ порождал новые вопросы.

Она искала ключ. Замоchnую скважину, через которую можно увидеть комнату.

Но комната была тёмной.

– Доктор Чжоу?

Голос заставил её вздрогнуть. Она подняла глаза – перед ней стоял доктор Ибрагим, седой египтянин с добрыми глазами и морщинами смеха в уголках губ. Он работал в секторе дольше всех – двадцать три года, почти половина существования Агентства.

– Доктор Ибрагим. – Лин поспешно свернула окно с архивом. – Я не заметила, как вы подошли.

– Я заметил, – мягко сказал он. – Вы очень сосредоточены сегодня.

Он сел на край соседнего стола – неформальный жест, который позволял себе только он. Остальные аналитики относились к рабочему пространству как к святыне; Ибрагим – как к месту, где люди проводят слишком много времени, чтобы соблюдать все правила.

– Читаете архивы?

Лин кивнула, не видя смысла отрицать.

– Интересуюсь историей проекта.

– Историей, – повторил Ибрагим задумчиво. – Интересный выбор слова. Обычно люди говорят «исследую» или «изучаю». Вы говорите «интересуюсь». Это звучит... личнее.

Лин не ответила. Она не знала, что сказать. Ибрагим был проницательным – слишком проницательным для того, чтобы врать ему. Но и правду она сказать не могла.

– Знаете, – продолжил он, – я работаю здесь достаточно долго, чтобы видеть паттерны. Не в Сигнале – в людях. Новые сотрудники приходят с энтузиазмом, с горящими глазами. Через год энтузиазм угасает, остаётся профессионализм. Через пять лет – рутина. Это нормально. Это здорово.

Он помолчал, глядя на неё.

– Но иногда бывает иначе. Иногда человек, который работал спокойно много лет, вдруг начинает... гореть. Приходит раньше, уходит позже. Читает архивы, задаёт вопросы, ищет что-то, чего не искал раньше.

– Вы намекаете, что со мной что-то не так?

– Я намекаю, что наблюдаю, – мягко ответил Ибрагим. – Как наблюдаю за всеми. Это часть моей работы.

Лин почувствовала холод в груди. Ибрагим был не просто аналитиком – он был одним из «наблюдателей», людей, которые следили за коллегами на предмет признаков заражения. Официально этой функции не существовало; неофициально – все знали.

– Я просто заинтересовалась, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – После сбоя... хочу понимать контекст того, с чем работаю.

– Понимание – хорошая вещь, – согласился Ибрагим. – Но знаете, что я понял за двадцать три года?

– Что?

– Что некоторые вещи нельзя понять. Можно только принять. Или не принять.

Он встал, отряхнул несуществующую пыль с брюк.

– У нас в Египте есть поговорка: «Кто заглянет в колодец ночью, увидит звёзды. Но не увидит воды». Сигнал – это колодец. Все смотрят на звёзды. Никто не видит воды.

– Что это значит?

Ибрагим улыбнулся – печально, понимающе.

– Если бы я знал, доктор Чжоу, я бы не был здесь. Я бы был в Санатории. Или в могиле. Как те, кто думал, что понял.

Он пошёл к своей станции, оставив Лин одну.

Она смотрела ему вслед и думала о колодце. О звёздах. О воде, которую никто не видит.

О том, что она, возможно, уже начала тонуть.

После обеда – который она снова пропустила, забыв о времени – Лин отправила запрос в архив.

Официально это называлось «расширенный информационный запрос»: форма, которую мог подать любой аналитик четвёртого уровня и выше. Нужно было указать тему, обоснование и предполагаемое использование информации. Запрос рассматривался в течение сорока восьми часов, после чего либо одобрялся, либо отклонялся.

Лин заполнила форму.

Тема: «Структурные особенности Сигнала: визуальные и акустические корреляции».

Обоснование: «В рамках работы над фрагментом 7734-Δ выявлена возможная корреляция с фрагментами других категорий. Для верификации гипотезы требуется доступ к материалам о структуре Сигнала, включая теоретические модели и исторические данные об интерпретации».

Предполагаемое использование: «Научное исследование в рамках проекта "Интерпретация"».

Она перечитала запрос дважды. Формулировки были нейтральными, профессиональными – ничего, что могло бы вызвать подозрения. Обычный запрос обычного аналитика.

Но её руки дрожали, когда она нажимала «отправить».

Она знала, что делает. Она искала информацию о Сигнале – не ту, с которой работала официально, а ту, которая была скрыта за уровнями допуска. Она хотела увидеть больше. Понять больше.

Это было именно то, что делали заражённые.

Или это было то, что делал любой учёный, столкнувшийся с загадкой?

Лин не могла отличить одно от другого. Граница между здоровым любопытством и патологической одержимостью была размытой, неопределённой. Где кончался учёный и начинался пациент?

Она вспомнила мать.

Мэй Чжоу тоже была одержима. Тоже работала ночами, забывала о семье, посвящала жизнь одному вопросу. «Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем». Эти слова стали её молитвой, её проклятием.

Была ли мать заражена?

Не Сигналом – его ещё не было. Но идеей, мечтой, вопросом, который не отпускал. Докинз называл это «мемом» – единицей культурной информации, которая распространяется от разума к разуму. Мем о смысле. Мем о цели. Мем о том, что где-то есть ответ.

Лин унаследовала этот мем от матери. А теперь – что-то большее.

Или это было одно и то же? Разные формы одной болезни? Сигнал – просто более совершенная версия того, что убивало людей тысячелетиями: желания знать?

Она закрыла глаза, потёрла виски. Голова болела – тупая, давящая боль, которая не проходила от таблеток. Может быть, она просто устала. Может быть, ей нужно отдохнуть.

Может быть.

Вечером, дома, она достала блокнот.

Тот самый, со спиралью на полях. Она смотрела на неё весь день – краем глаза, мельком, как смотрят на что-то, чего боятся. Теперь она открыла страницу и положила блокнот перед собой.

Семь витков. Закручиваются к центру. Линии – гладкие, уверенные. Никаких помарок.

Она не помнила, как рисовала это.

Это было главное: отсутствие памяти. Она помнила работу, помнила заметки, помнила разговор с Мартой. Но момент, когда её рука взяла ручку и начала рисовать, – этого момента не было. Выпал из памяти, как выпадают сны при пробуждении.

Лин взяла чистый лист бумаги и ручку.

Она собиралась нарисовать спираль. Намеренно, сознательно, контролируя каждое движение. Она хотела понять, что происходит, когда рисуешь этот паттерн. Что чувствуешь. О чём думаешь.

Научный эксперимент, сказала она себе. Наблюдение за собой.

Она поставила ручку на бумагу.

Начала с центра – маленькая точка, едва заметная. Потом повела линию вокруг неё, расширяя виток. Рука двигалась медленно, осторожно. Она следила за каждым миллиметром.

Первый виток. Второй. Третий.

Ничего особенного. Просто линия на бумаге. Просто геометрическая фигура.

Четвёртый виток. Пятый.

Лин почувствовала странное напряжение – как будто что-то должно было произойти, но не происходило. Она ждала... чего? Озарения? Видения? Того, что испытывала во время сбоя?

Шестой виток. Седьмой.

Она остановилась, посмотрела на рисунок.

Спираль была... обычной. Немного кривоватой, с неровными интервалами между витками. Совсем не похожей на ту, что появилась на полях без её ведома. Та была идеальной; эта – просто человеческой попыткой изобразить форму.

Лин не понимала.

Если она заражена, если её разум «захвачен» паттерном – почему она не может воспроизвести его сознательно? Почему идеальная спираль получается только когда она не контролирует руку?

Она взяла новый лист. Попробовала снова.

И снова. И снова.

Через час перед ней лежала стопка бумаг с кривыми, неуклюжими спиральями. Ни одна не была похожа на ту, из блокнота. Ни одна не вызывала того ощущения – правильности, красоты, притяжения.

Лин откинулась на спинку стула.

Она не понимала.

И это пугало её больше, чем если бы она понимала.

Понимание – даже страшное – давало контроль. Можно было анализировать, искать решения, бороться. Непонимание было хуже: ты не знаешь, с чем борешься. Не знаешь, есть ли враг вообще.

Она посмотрела на оригинальную спираль – ту, что в блокноте.

Семь идеальных витков. Нарисованные рукой, которая знала, что делает. Рукой, которая принадлежала ей – но действовала без её ведома.

Что это значило?

Что часть её уже «видит» спираль – видит так ясно, что может воспроизвести её с математической точностью? Что эта часть работает независимо от сознания, рисует, пока Лин думает о другом?

Или это значило что-то иное?

Она вспомнила слова Линдквиста о когнитивных аттракторах. «Сигнал – это углубление для разума. Достаточно один раз увидеть паттерн, и ваши мысли начинают скатываться к нему».

Может быть, её сознание сопротивлялось – потому и не могло нарисовать идеально. Но подсознание уже сдалось. Уже «скатилось» в углубление. Уже знало форму.

Лин смотрела на спираль, и спираль смотрела на неё.

Она вспомнила, как мать описывала момент дешифровки. «Это как замок, который вдруг открывается. Щёлк – и ты внутри. Видишь комнату, которую никто не видел тысячи лет».

Сигнал был замком.

Лин чувствовала, что ключ уже в скважине.

Но она не знала, хочет ли поворачивать.

Маркус вернулся поздно – около десяти вечера. Лин слышала, как открылась дверь, как он снял обувь, прошёл на кухню. Звук воды из крана. Звук открывающегося холодильника.

Обычные звуки. Обычный вечер.

Она сидела в гостиной, на диване у окна. Листы с неудачными спиралями лежали на столе – она не стала их прятать. Может быть, потому что была слишком уставшей. Может быть, потому что хотела, чтобы он увидел.

Маркус вошёл в гостиную с бутылкой воды в руке. Остановился, увидев её у окна.

– Ты не спишь.

– Не могу.

Он подошёл, сел рядом. Не касаясь – оставив между ними несколько сантиметров пустого пространства. Она чувствовала его присутствие: тепло, запах, тяжесть тела, прогибающего диван.

– Сложный день?

– Можно и так сказать.

Он молчал. Она молчала. За окном город мерцал огнями – далёкий, равнодушный, прекрасный.

– Это твои? – Маркус кивнул на листы со спиралями.

Лин кивнула.

Он взял один лист, посмотрел. Его лицо было непроницаемым – та маска, которую она научилась узнавать за восемнадцать лет. Маска человека, который оценивает риски.

– Спирали, – сказал он.

– Да.

– Почему?

Лин думала о том, что ответить. Правду? «Потому что я заражена, и часть меня рисует их без моего ведома, и я пытаюсь понять почему». Или ложь? «Просто рисовала от скуки».

Она не сказала ни того, ни другого.

– Ты читал показания Диалло?

Маркус положил лист обратно.

– Читал. Давно.

– Она описывает, как всё начиналось. Сначала – спирали на салфетках. Потом – невозможность остановиться. Потом – Санаторий или смерть.

– Я знаю.

– И ты не спрашиваешь, почему я рисую спирали?

Он повернулся к ней. Его глаза – серые, внимательные – искали что-то в её лице.

– Ты хочешь, чтобы я спросил?

Лин не знала. Она хотела и не хотела одновременно. Хотела рассказать – и боялась последствий. Хотела, чтобы он понял – и боялась, что он поймёт.

– Я не знаю, чего хочу, – сказала она наконец. – Это, наверное, тоже симптом.

Маркус не ответил. Он сидел рядом, молчал, и его молчание было тяжелее любых слов.

Лин думала о том, что между ними – пропасть. Пропасть из недосказанного, из секретов, из страхов. Она не рассказала ему о сбое. Он не спросил – хотя наверняка знал. Они оба играли в игру, правила которой никто не объяснял.

– Маркус.

– Да?

– Если бы ты знал, что я заражена... что бы ты сделал?

Долгая пауза. Слишком долгая.

– Я бы сделал то, что должен, – сказал он наконец.

– Что это значит?

– Это значит, что я люблю тебя. И что я не могу рисковать человечеством ради этой любви.

Лин кивнула. Это был честный ответ. Жестокий, но честный.

– А если бы ты не был уверен? Если бы не знал точно – заражена или нет?

Маркус посмотрел в окно, на город внизу.

– Тогда я бы наблюдал. Искал бы доказательства. Пытался бы понять.

– И ждал бы?

– И ждал бы.

Лин взяла его руку – крупную, тёплую, знакомую. Он не отстранился.

– Я тоже жду, – сказала она. – Жду, когда пойму.

Он не спросил, что она имеет в виду. Может быть, он уже знал. Может быть, боялся узнать.

Они сидели в темноте, держась за руки, и смотрели на город, который не знал о спиралях.

Ночью ей снилась мать.

Мэй Чжоу стояла в пустыне – бесконечной, золотой, залитой светом, который не имел источника. Она держала в руках глиняную табличку, и знаки на ней светились синим огнём.

– Ты нашла? – спросила Лин.

Мать улыбнулась.

– Я всегда знала, – сказала она. – Ответ был здесь, с самого начала. Я просто не видела.

– Что это? Что там написано?

Мать протянула табличку. Лин взяла её – глина была тёплой, живой, как будто внутри билось сердце.

Она посмотрела на знаки.

И увидела спираль.

Лин проснулась в темноте.

Часы показывали 03:17 – точное время сбоя. Совпадение или что-то другое? Она не знала.

Она лежала в постели, смотрела в потолок и думала о сне. О матери, которая «всегда знала». О табличке со спиралью. О словах, которые она искала всю жизнь.

«Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем».

Небо заговорило.

Ответ был спиралью.

И «зачем» – вопрос, который задавала мать, который задавала Лин, который задавало каждое разумное существо – этот вопрос был частью ловушки. Приманкой. Крючком, на который ловятся все, кто достаточно любопытен.

Или это была правда.

Лин не знала.

Она посмотрела на свои руки – бледные в темноте, едва различимые. Руки, которые рисовали спирали без её ведома. Руки, которые не слушались, когда она пыталась рисовать сознательно.

Что-то внутри неё уже знало форму. Что-то внутри уже видело ответ.

Но это «что-то» не было ею. Или было? Где граница между «я» и «не-я»? Между собственным желанием и навязанным? Между пониманием и заражением?

Она не знала.

И, лёжа в темноте в 03:17, она поняла, что не узнает никогда.

Некоторые вопросы не имеют ответов.

Или ответы на них – хуже незнания.

Глава 6: Подозрения

Записи камер наблюдения хранились на отдельном сервере – изолированном от основной сети, защищённом тремя уровнями шифрования. Доступ имели только руководители служб безопасности и директор. Маркус был одним из семи человек на планете, кто мог открыть эти файлы.

Он сидел в своём кабинете, глядя на экран с запросом авторизации. Курсор мигал в поле пароля – ровно, безразлично, как метроном.

Он не вводил пароль.

Уже двадцать минут он сидел так – рука на клавиатуре, глаза на экране, разум в другом месте. Он думал о Лин. О том, как она стояла у окна сегодня утром, глядя на небо. О том, как она сказала «просто устала», когда он спросил, всё ли в порядке.

Он думал о логах сектора 7-Альфа.

Лин Чжоу. Единственный человек в зале в момент сбоя. 03:17:42. Семьсот миллисекунд.

Камеры покажут, что она делала в этот момент. Смотрела на экран или отвернулась. Видела паттерн или нет. Заражена или чиста.

Маркус не хотел знать.

Это было непрофессионально. Это было трусливо. Это было именно тем, чего он не мог себе позволить – глава карантинной службы, который боится узнать правду о собственной жене.

Но он боялся.

Он ввёл пароль.

Система загрузилась медленно – защитные протоколы проверяли его биометрию, сверяли время доступа, регистрировали запрос в журнале. Всё, что он делал с этими файлами, будет записано. Если кто-то захочет проверить – а кто-то захочет, рано или поздно – они увидят, что глава карантинной службы просматривал записи сектора 7-Альфа в день после сбоя.

Это было нормально. Это была его работа.

Так он себе говорил.

Экран заполнился списком файлов: камеры 7А-01 по 7А-16, временной диапазон от 00:00 до 06:00 текущей даты. Маркус выбрал камеру 7А-09 – она была направлена на рабочую станцию Лин – и установил время на 03:17:00.

Запись началась.

Сектор 7-Альфа выглядел так, как всегда: белые стены, ряды станций, мерцание экранов в полумраке. Ночное освещение было приглушённым – достаточно, чтобы видеть, недостаточно, чтобы чувствовать себя комфортно. Маркус знал это место. Он инспектировал его дважды в год, проверяя протоколы безопасности.

Он никогда не думал, что будет искать здесь свою жену.

Лин сидела за станцией, спиной к камере. Её плечи были напряжены – он узнал эту позу. Она всегда так сидела, когда погружалась в работу: чуть подавшись вперёд, голова наклонена, всё внимание на экране.

Таймер показывал 03:17:38. Четыре секунды до сбоя.

Маркус смотрел.

03:17:39. Лин что-то печатала – он видел движение её рук на клавиатуре.

03:17:40. Она остановилась. Её голова чуть приподнялась.

03:17:41. Она сняла очки, потёрла переносицу. Обычный жест, он видел его тысячу раз.

03:17:42. Сбой.

Экран перед Лин вспыхнул – даже на записи было видно, как изменился свет. Что-то появилось на мониторе, что-то яркое, движущееся. Маркус не мог разглядеть, что именно – камера была направлена на Лин, не на экран.

Но он видел её реакцию.

Она замерла. Полностью, абсолютно – как статуя. Её руки застыли над клавиатурой, её голова перестала двигаться. Она смотрела на экран.

Смотрела.

Семьсот миллисекунд – меньше секунды, двенадцать ударов сердца – и экран погас. Аварийное отключение сработало, свет мигнул, Лин...

Лин упала.

На записи это выглядело странно – как будто кто-то выдернул из неё стержень. Она не потеряла сознание, не закрыла глаза. Она просто рухнула на колени, как марионетка с обрванными нитями. Её руки упёрлись в пол, её голова опустилась.

Маркус смотрел, как она стоит на четвереньках в темноте. Смотрел, как дрожат её плечи. Смотрел, как она медленно поднимается, оглядывается по сторонам.

Смотрел, как она улыбается.

Он остановил запись.

Улыбка. Она улыбалась. После того, как видела... что бы она ни видела. После того, как упала. После того, как мир вокруг неё погас.

Она улыбалась.

Маркус знал эту улыбку. Он видел её на лицах обитателей Санатория. Видел на фотографиях из архивов группы «Первый Контакт». Видел в кошмарах, которые преследовали его с 2144 года.

Улыбка человека, который увидел что-то прекрасное.

Улыбка человека, который уже не совсем человек.

Он просидел в кабинете ещё два часа.

Не смотрел запись – он видел достаточно. Не писал отчёт – он не знал, что писать. Просто сидел, глядя на чёрный экран, и думал.

Протокол был ясен. Статья 4.2: «При обнаружении признаков заражения уровня 2 и выше руководитель службы обязан немедленно инициировать процедуру изоляции». Статья 4.3: «Изоляция производится независимо от должности, звания или личных отношений субъекта с персоналом Агентства».

Личных отношений.

Они предусмотрели это. Конечно, предусмотрели – шестьдесят лет работы с Сигналом научили их, что угроза может прийти откуда угодно. От коллеги. От друга. От жены.

Маркус должен был написать рапорт. Должен был вызвать Лин на освидетельствование. Должен был наблюдать, как её уводят в Санаторий – тот самый Санаторий, где люди улыбаются и рисуют спирали, и ждут «следующей части», и никогда не возвращаются.

Он не мог.

Это было слабостью. Он знал. Предательством долга, нарушением присяги, всем тем, против чего он боролся двадцать лет. Но когда он думал о Лин в белой комнате Санатория, с улыбкой на лице и спиралями на стенах...

Он не мог.

Маркус встал, прошёлся по кабинету. Три шага в одну сторону, три в другую. Стены давили – они всегда давили, но сегодня особенно. Он чувствовал себя в ловушке, в клетке, которую построил сам.

Он думал о вариантах.

Первый: написать рапорт. Лин изолируют. Проведут обследование. Если она заражена – Санаторий. Если нет – вернётся к работе. Чистое решение, по протоколу, без сантиментов.

Но что если обследование покажет заражение, когда его нет? Что если тесты ошибутся? Маркус видел такие случаи – редкие, но реальные. Люди, которые оказывались в Санатории по ошибке. Люди, которые проводили там годы, прежде чем кто-то замечал, что они не рисуют спирали и не улыбаются.

Второй вариант: не писать рапорт. Наблюдать самому. Если Лин заражена – он увидит признаки. Спирали на полях. Навязчивые мысли. Невозможность остановиться. Тогда он напишет рапорт – с доказательствами, с уверенностью.

Но это было нарушением протокола. Если кто-то узнает – а кто-то узнает, рано или поздно – его карьера закончится. Хуже: его посадят. За укрывательство, за халатность, за всё, что они придумают.

И ещё хуже: что если он пропустит момент? Что если Лин заразит кого-то ещё, пока он «наблюдает»? Что если она получит доступ к данным, которые не должна видеть?

Третий вариант...

Маркус остановился у стены, упёрся в неё лбом. Бетон был холодным, шершавым. Реальным.

Третьего варианта не было.

Был только выбор: долг или любовь. Протокол или жена. Человечество или Лин.

Он думал о том, как она смотрела на него вчера вечером. «Если бы ты знал, что я заражена... что бы ты сделал?» Он ответил честно: «Я бы сделал то, что должен». Она кивнула, приняла ответ.

Она знала. Она знала, что он выберет долг. Она приняла это.

Почему он не мог принять?

Он ушёл с работы в семь вечера – раньше обычного. Сказал секретарю, что плохо себя чувствует. Это была почти правда: его голова раскалывалась, глаза болели, во рту был привкус металла – как бывает, когда слишком долго не ешь и слишком много думаешь.

Он поехал домой.

Женева за окном машины была красивой – золотой закат над озером, горы в вечерней дымке, огни, зажигающиеся в окнах. Обычный вечер обычного города. Люди шли по улицам, сидели в кафе, смеялись. Они не знали о Сигнале. Не знали о том, что где-то в космосе семнадцать мёртвых цивилизаций построили передатчики и замолчали навсегда.

Они были счастливы в своём незнании.

Маркус им завидовал.

Он припарковал машину в подземном гараже, поднялся на лифте. Сорок семь этажей – двадцать секунд, чтобы решить, что он скажет Лин. Что он сделает. Как будет смотреть ей в глаза, зная то, что знает.

Он не решил.

Дверь квартиры открылась бесшумно. Внутри пахло едой – чем-то пряным, острым. Лин готовила. Она редко готовила; обычно он или они вместе. Это было... странно? Или нормально? Он не мог понять.

Он снял обувь, прошёл на кухню.

Лин стояла у плиты, помешивая что-то в сковородке. На ней был домашний халат – синий, с вышивкой на рукавах, подарок на годовщину свадьбы. Её волосы были собраны в хвост, открывая шею – тонкую, бледную, уязвимую.

Она обернулась, когда он вошёл.

– Привет, – сказала она. – Рано сегодня.

- Плохо себя чувствовал.
- Что-то серьёзное?
- Нет. Просто устал.

Она кивнула, вернулась к готовке. Её движения были плавными, спокойными. Ничего необычного. Никаких признаков.

Маркус сел за стол, наблюдая.

Он смотрел на её руки – как она держит лопатку, как поворачивает запястье, как пальцы касаются крышки. Обычные руки, обычные движения. Ничего похожего на спираль.

Он смотрел на её лицо – когда она повернулась, чтобы достать тарелки. Обычное лицо, усталое, чуть осунувшееся. Никакой улыбки. Никакого того выражения, которое он видел на записи.

Может быть, он ошибся. Может быть, улыбка на записи была просто... облегчением. Она испугалась, потом поняла, что всё в порядке, и улыбнулась. Нормальная реакция.

Или нет.

- О чём думаешь? – спросила Лин, ставя перед ним тарелку.
- О работе.
- Что-то случилось?
- Нет. Рутин.

Он врал. Она врала. Они оба врали, и оба знали это, и никто не говорил правду.

Это была их жизнь теперь.

После ужина он сидел в гостиной, делая вид, что читает отчёты на планшете. На самом деле он смотрел на Лин.

Она была на диване у окна, с блокнотом на коленях. Она что-то писала – или рисовала? – склонившись над страницей. Её лицо было сосредоточенным, брови чуть сдвинуты. Обычная поза для работы.

Он видел стопку бумаг на столе рядом с ней. Листы со спиралью – он заметил их краем глаза, когда проходил мимо. Не идеальные спирали, как у заражённых в Санатории. Кривые, неровные, человеческие.

Это было хорошо или плохо?

Он не знал.

– Лин.

Она подняла голову.

– Да?

– Можно спросить?

Она закрыла блокнот – быстро, как будто прятала что-то. Или ему показалось?

– Конечно.

– Что ты рисуешь?

Пауза. Слишком длинная.

– Просто... геометрические фигуры. Помогает думать.

– Спирали?

Она посмотрела на него – прямо, внимательно. Её глаза были тёмными в вечернем свете, непроницаемыми.

– Ты видел.

– Видел.

– И что ты думаешь?

Маркус положил планшет на стол. Встал, подошёл к ней. Сел рядом – близко, но не касаясь.

– Я думаю, что ты умная женщина. Умнее меня. И если ты рисуешь спирали – у тебя есть причина.

– Какая?

– Не знаю. Надеюсь, ты расскажешь.

Лин смотрела на него долго. Потом отвернулась к окну.

– Я пытаюсь понять, – сказала она тихо. – Понять, что со мной происходит.

– И что с тобой происходит?

– Не знаю.

Молчание. За окном город мерцал огнями – далёкий, безразличный.

– Ты боишься? – спросил он.

– Да. А ты?

Маркус думал о записи. Об улыбке. О том, что должен был сделать и не сделал.

– Да, – сказал он. – Боюсь.

Она взяла его руку. Её пальцы были холодными – она всегда мёрзла, даже дома.

– Мы справимся, – сказала она.

Он не знал, верит ли ей. Не знал, верит ли себе.

Но он сжал её руку в ответ.

Ночью ему снился Санаторий.

Это был не первый раз – кошмары преследовали его с 2144 года, возвращаясь снова и снова, как волны прилива. Иногда он просыпался в холодном поту, с колотящимся сердцем, не помня, что видел. Иногда помнил всё до мельчайших деталей.

Сегодня он помнил.

Санаторий Прометея, 2144 год. Три года назад.

Инспекция была плановой – одна из многих, которые Маркус проводил каждый квартал. Проверка условий содержания, состояния систем безопасности, соблюдения протоколов. Рутинная работа, которая не требовала мыслей.

Санаторий располагался в бывшем военном бункере, глубоко в Швейцарских Альпах. Снаружи – только вход в скале и несколько антенн. Внутри – километры коридоров, сотни комнат, жизнь, которая не видела солнца годами.

Маркус шёл по коридору жилого блока, сопровождаемый доктором Грантом – тем самым, который теперь был его заместителем по медицинской службе. Грант рассказывал о статистике: сколько обитателей, какова динамика состояний, есть ли изменения.

– Стабильно, – говорил Грант. – Все стабильны. Никаких прорывов, никаких срывов. Они... счастливы.

Он произнёс это слово так, как произносят диагноз. С профессиональной отстранённостью, за которой скрывалось что-то другое.

– Можно увидеть? – спросил Маркус.

– Конечно. Комната семнадцать?

– Почему семнадцать?

Грант пожал плечами.

– Доктор Ковач. Один из самых стабильных. Тринадцать лет здесь, никаких инцидентов. Если хотите видеть, как они живут – он хороший пример.

Они прошли по коридору к двери с номером 17. Грант набрал код на панели, и дверь открылась.

Комната была... уютной. Это было первое, что отметил Маркус. Не камера, не палата – именно комната. Кровать с цветным покрывалом, стол с книгами, кресло у окна. Окно было голографическим – за ним виднелись альпийские луга, залитые солнцем, хотя на самом деле за стеной был только камень.

Доктор Ковач сидел за столом, что-то писал. Пожилой мужчина, лет семидесяти на вид, с седыми волосами и морщинистым лицом. Он поднял голову, когда они вошли, и улыбнулся.

Улыбка была... странной. Не неприятной – наоборот, тёплой, искренней. Но в ней было что-то неправильное. Что-то, что заставляло Маркуса хотеть отвернуться.

– Посетители, – сказал Ковач. – Как приятно. Я люблю посетителей.

– Доктор Ковач, это директор Вернер, – представил Грант. – Он проводит инспекцию.

– Инспекцию. Да-да, конечно. Пожалуйста, смотрите. У меня нечего скрывать.

Он встал, отошёл от стола, приглашая их войти глубже. Маркус сделал шаг – и увидел стену.

Спираль.

Она была огромной – от пола до потолка, занимая всю стену за кроватью. Нарисована чем-то тёмным – углём? – идеально ровные линии, закручивающиеся к центру. Семь витков. Математически точная геометрия.

Маркус замер.

Он не должен был смотреть. Он знал – знал – что визуальные представления паттерна тоже опасны. Не так, как оригинал, но всё же. Протокол требовал отвернуться, выйти из комнаты, сообщить о нарушении.

Он смотрел.

Спираль была... красивой. Это было единственное слово, которое приходило в голову. Красивой, как закат. Как музыка. Как что-то, что ты искал всю жизнь, не зная, что ищешь.

Он смотрел секунду. Может быть, две.

Потом отвернулся.

– Откуда у него уголь? – спросил он Гранта. Голос звучал нормально. Почти нормально.

– Мы... не знаем. Проведём расследование.

– Проведите.

Он вышел из комнаты. Вышел из блока. Вышел из Санатория, поднялся на поверхность, вдохнул холодный горный воздух.

Его руки дрожали.

Он никому не сказал.

Настоящее время.

Маркус проснулся с именем на губах.

Ковач.

Он лежал в темноте, чувствуя тепло Лин рядом. Она спала – её дыхание было ровным, глубоким. Она не знала, что ему снилось. Не знала о спирали в комнате 17.

Она не знала, что он тоже смотрел.

Три года прошло с той инспекции. Три года он ждал признаков – спиралей на полях, навязчивых мыслей, невозможности остановиться. Ничего не было. Он оставался собой: контролируемым, рациональным, эффективным.

Но иногда – редко, раз в несколько месяцев – он просыпался ночью и рисовал.

Не осознанно. Не намеренно. Он находил рисунки утром: на блокноте у кровати, на полях документов, на салфетках в кармане. Спирали. Кривые, неровные – как у Лин. Не идеальные.

Он говорил себе, что это ничего не значит. Что контакт был минимальным – секунда или две, вторичное изображение, а не оригинал. Что он бы заметил, если бы что-то было не так.

Но он не был уверен.
Никто не мог быть уверен.
В этом и был ужас. Не в том, что ты заражён. В том, что ты не можешь знать.

Утром он встал раньше обычного.
Лин ещё спала – он видел её силуэт под одеялом, слышал тихое дыхание. Он не стал будить её. Не стал говорить, что ему снилось.

Он прошёл в кабинет, сел за стол, открыл ноутбук.

Экран запросил авторизацию. Он ввёл пароль – автоматически, не думая.

И замер.

Его рука лежала на блокноте – том самом, который он держал у кровати для заметок. На открытой странице был рисунок.

Спираль.

Семь витков. Не идеальная – чуть кривоватая, с неровными интервалами. Но узнаваемая. Нарисованная его рукой, пока он спал.

Маркус смотрел на рисунок и думал о Лин. О её спиральных на полях. О том, как она сказала: «Я пытаюсь понять».

Он тоже пытался понять.

Три года он молчал. Три года он убеждал себя, что контакт был недостаточным, что риск минимален, что он в порядке. Три года он следил за другими – искал признаки заражения у коллег, у подчинённых, у случайных людей – и не видел их у себя.

Или не хотел видеть.

Теперь он должен был судить Лин. Решать, заражена она или нет. Писать рапорт или молчать. Отправлять её в Санаторий или позволить остаться.

Но как он мог судить – если сам был таким же?

Маркус закрыл блокнот. Положил его в ящик стола, заперший на ключ.

Он не напишет рапорт. Не сегодня.

Он будет наблюдать. За Лин. За собой. За тем, как всё это – спирали, улыбки, желание знать – медленно проникает в их жизнь.

Он будет ждать.

Потому что это всё, что он мог делать.

На работе он был рассеянным – впервые за много лет. Читал отчёты и не понимал слов. Слушал доклады и не слышал смысла. Его мысли возвращались к Лин, к спирали, к вопросу, который не имел ответа.

Хелен Чен подошла к нему после обеда.

– Сэр, результаты наблюдения за доктором Чжоу.

Маркус заставил себя посмотреть ей в глаза. Хелен была пронцательной – она заметит, если он будет избегать взгляда.

– Докладывай.

– Сорок восемь часов после инцидента. Никаких явных признаков заражения. Она работает в обычном режиме, общается с коллегами, уходит домой вовремя. Единственное отклонение – запрос в архив на материалы о структуре Сигнала.

– Запрос?

– Стандартная форма. Обоснование: исследование в рамках проекта «Интерпретация». Ничего подозрительного, но... необычно. Она никогда раньше не запрашивала такие материалы.

Маркус кивнул.

– Продолжай наблюдение.

– Сколько ещё?

– До моего распоряжения.

Хелен смотрела на него – долго, внимательно. Она что-то подозревала. Конечно, подозревала – она была хороша в своей работе.

– Сэр, могу я спросить?

– Нет.

Она кивнула и ушла.

Маркус сидел в кабинете, глядя на закрытую дверь. Он думал о том, что Хелен знает. О том, что вся его команда, вероятно, знает – или догадывается. Глава карантинной службы, чья жена находилась в секторе во время сбоя. Глава карантинной службы, который не написал рапорт.

Они наблюдают за ним.

Как он наблюдает за Лин.

Как все наблюдают за всеми в этом здании, в этом мире, в этой бесконечной игре в подозрения.

Он вспомнил слова из старого отчёта – показания Амары Диалло, которые он читал много лет назад. «Кому можно доверять, когда враг – внутри? Когда любой – включая тебя самого – может быть заражён?»

Никому.

Ответ был прост и жесток.

Никому нельзя доверять.

Даже себе.

Вечером он вернулся домой и нашёл Лин на кухне. Она готовила – снова, второй день подряд. Это было странно, но он не стал спрашивать. Он сел за стол и смотрел, как она двигается по кухне, как её руки режут овощи, как она поворачивается к плите.

Обычные движения. Обычная женщина.

Его жена.

– Маркус, – сказала она, не оборачиваясь. – Ты смотришь на меня так, будто я что-то сделала.

– Нет. Просто... смотрю.

– Ты всегда смотришь. Это часть твоей работы.

– Лин...

Она повернулась. Её глаза были тёмными, серьёзными.

– Я знаю, что ты знаешь, – сказала она. – О сбое. О том, что я была там. Я знаю, что ты видел записи.

Маркус не ответил. Не было смысла отрицать.

– Почему ты не спрашиваешь? – продолжила она. – Почему не требуешь объяснений? Почему не пишешь рапорт?

– Потому что я не уверен.

– В чём?

– В том, что увижу, если спрошу.

Она смотрела на него долго. Потом кивнула – медленно, понимающе.

– Ты боишься, – сказала она. – Не за человечество. За меня.

– За нас обоих.

– Почему за обоих?

Маркус думал о спирали в блокноте. О комнате 17. О секунде или двух, которые могли изменить всё.

– Потому что я тоже не уверен, – сказал он. – В себе.

Лин подошла к нему. Встала рядом, положила руку на его плечо.

– Мы оба не уверены, – сказала она тихо. – Это, наверное, единственное, в чём мы можем быть уверены.

Он взял её руку, прижал к своей щеке. Её пальцы были тёплыми – она больше не мёрзла.

Или он просто не замечал.

– Что нам делать? – спросил он.

– Не знаю. Жить. Наблюдать. Ждать.

– Ждать чего?

Она не ответила.

За окном город погружался в ночь. Огни зажигались один за другим, как звёзды на земле. Маркус смотрел на них и думал о том, что где-то там, в настоящем небе, семнадцать Маяков транслируют свой сигнал в бесконечность.

Зов.

Приглашение.

Ловушка.

Он держал руку жены и не знал, кому из них двоих можно доверять.

Может быть, никому.

Глава 7: Разговор

Маркус

Он ждал три дня.

Три дня он наблюдал за ней – за завтраком, за ужином, в те короткие минуты, когда они пересекались в квартире между работой и сном. Он искал признаки: спирали на полях, рассеянный взгляд, улыбку без причины. Он находил одно, потом другое, потом третье – и каждый раз убеждал себя, что это ничего не значит. Что она просто устала. Что он параноик.

На четвёртый день он понял, что больше не может молчать.

Это было воскресенье – редкий день, когда они оба оказались дома одновременно. Лин сидела на диване, читая что-то на планшете. Её ноги были подобраны под себя, волосы распущены – она никогда не собирала их дома, только на работе. Обычная картина. Обычное воскресенье.

Маркус стоял у окна и смотрел на неё.

Он думал о том, как они познакомились – двадцать лет назад, на конференции в Сингапуре. Она была молодым лингвистом с горящими глазами, он – офицером безопасности, который охранял мероприятие. Она подошла к нему во время перерыва и спросила, скучно ли ему стоять у двери. Он сказал, что да. Она засмеялась.

Её смех был первым, что он полюбил в ней.

Сейчас она не смеялась. Сейчас она сидела в тишине, уставившись в экран, и что-то в её позе было... другим. Напряжённым. Как будто она ждала чего-то. Или кого-то.

– Лин.

Она подняла голову. Её глаза были тёмными в утреннем свете – такими тёмными, что он не мог прочитать в них ничего.

– Да?

– Нам нужно поговорить.

Пауза. Она отложила планшет, опустила ноги на пол.

– Я знаю, – сказала она.

Лин

Она знала, что этот разговор неизбежен.

С того момента, как она увидела записи о сбое в логах – сбое, который произошёл, когда она была в секторе – она понимала, что Маркус узнает. Он был главой карантинной службы. Он видел всё. Он не мог не видеть.

Три дня она ждала, когда он спросит. Три дня она готовила ответы – честные и нечестные, полные и частичные. Три дня она репетировала слова, которые объяснят необъяснимое.

Теперь, глядя на него – на его напряжённые плечи, на морщины между бровями, на руки, сжатые в кулаки – она поняла, что никакие слова не помогут.

Но она должна была попытаться.

– Сядь, – сказала она.

Он сел – не рядом с ней, а в кресле напротив. Между ними был журнальный столик: стекло, металл, полтора метра пустоты.

– Ты знаешь о сбое, – сказала она. Не вопрос – утверждение.

– Да.

– И ты знаешь, что я была там.

– Да.

– И ты хочешь знать, что я видела.

Маркус молчал. Его глаза – серые, внимательные – искали что-то в её лице. Признаки. Симптомы. Доказательства того, чего он боялся.

– Да, – сказал он наконец. – Хочу.

Лин закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

– Хорошо.

Маркус

Он смотрел, как она собирается с мыслями.

Её руки лежали на коленях – неподвижные, расслабленные. Её дыхание было ровным. Она не нервничала – или умела это скрывать. Или уже не чувствовала того, что должна была чувствовать.

– Это было семьсот миллисекунд, – начала она. – Меньше секунды. Ты знаешь цифры.

– Знаю.

– Но это... это было не семьсот миллисекунд. Не субъективно.

– Что ты имеешь в виду?

Она открыла глаза. Посмотрела на него – прямо, без уклонения.

– Я имею в виду, что внутри этих семисот миллисекунд была вечность.

Маркус чувствовал, как что-то сжимается в его груди. Он знал эти описания. Читал их в отчётах, в показаниях, в записях из Санатория. «Вечность в мгновении». «Время остановилось». «Я видел всё».

Слова заражённых.

– Расскажи, – сказал он.

Лин

Как рассказать о том, для чего нет слов?

Она пыталась – три дня пыталась найти способ описать то, что видела. Но каждая формулировка была неполной, каждая метафора – недостаточной. Это было как пытаться описать цвет слепому. Или музыку – глухому.

Но Маркус ждал. И она должна была попытаться.

– Сначала экран замерцал, – начала она. – Я думала, это технический сбой. А потом... потом он стал дверью.

– Дверью?

– Не буквально. Не физически. Но это было... переходом. Границей между тем, что я знала, и тем, что было за пределами.

Она замолчала, подбирая слова.

– За дверью была спираль.

Маркус не шевельнулся. Его лицо было неподвижным – маска, которую он носил на работе.

– Спираль, – повторил он.

– Да. Но не рисунок. Не изображение. Реальность. Форма, к которой стремится всё сущее. Галактики закручиваются по ней. Раковины моллюсков следуют её законам. ДНК хранит её в своей структуре. Она везде, Маркус. Во всём. Всегда была.

– Это... ты видела это?

– Я видела связи. Между языками – всеми языками, которые когда-либо существовали. Между звуками и символами. Между вопросами, которые задавали люди тысячи лет назад, и ответами, которые ждали в космосе.

Она чувствовала, как слова рвутся из неё – слишком много, слишком быстро. Она столько дней молчала, держала всё в себе, и теперь плотина рухнула.

– Моя мать всю жизнь искала ответ на один вопрос. «Когда небо заговорит – услышим ответ – и узнаем, зачем». Она нашла эти слова на табличке трёхтысячелетней давности. Она умерла, не расшифровав их.

Лин посмотрела на Маркуса. Её глаза блестели – от слёз или от чего-то другого, она не знала.

– Я видела ответ, Маркус. За эти семьсот миллисекунд я видела то, что она искала всю жизнь.

Маркус

Он слушал, и что-то внутри него менялось.

Страх был там – конечно, был. Страх за неё, за себя, за всё, что они построили вместе. Но рядом со страхом было что-то ещё. Что-то, чему он не хотел давать название.

Зависть.

Она видела. Она знала. Она прикоснулась к чему-то, что было больше их обоих, больше всего человечества, больше всего, что можно измерить или понять.

А он – нет.

Он смотрел на спираль в комнате 17 секунду или две. Он рисовал кривые линии в блокноте, просыпаясь по ночам. Но он не видел того, что видела она. Не чувствовал того, что она описывала.

И часть его – та часть, которую он ненавидел, которой стыдился – хотела увидеть тоже.

– Ты сказала, что видела лицо матери, – произнёс он. Его голос звучал странно – хриплый, чужой.

Лин кивнула.

– Она улыбалась. Она сказала... нет, не сказала. Показала. Что она всегда знала. Что ответ был здесь с самого начала.

– Это был Сигнал.

– Да.

– Он использовал образ твоей матери.

– Или я использовала его, чтобы понять то, что видела. Я не знаю, Маркус. Я не знаю, где кончалось моё восприятие и начинался Сигнал.

Она подалась вперёд, и её голос стал тише, интимнее.

– Но это было красиво. Так красиво, что я плакала. Я не помню, плакала ли я от счастья или от ужаса. Может быть, это было одно и то же.

Лин

Она видела его лицо – видела, как оно меняется, пока она говорит.

Страх. Да, страх был там. Но было и что-то ещё. Что-то в его глазах, когда она описывала спираль. Что-то похожее на голод.

Он хотел знать.

Он боялся – и хотел.

Как все они. Как каждый, кто когда-либо смотрел на звёзды и спрашивал «зачем».

– Маркус.

Он вздрогнул, словно очнулся ото сна.

– Да?

– Ты хочешь спросить, заражена ли я.

Молчание. Долгое, тяжёлое.

– Да, – сказал он наконец.

– Я не знаю.

– Как ты можешь не знать?

– А как я могу знать?

Она встала, прошлась по комнате. Ей нужно было двигаться – сидеть было невыносимо, слова рвались наружу, и тело должно было куда-то девать эту энергию.

– Я читала отчёты. Я знаю симптомы. Навязчивые мысли о Сигнале – есть. Рисование спиралей – есть. Нарушение сна – есть. Желание узнать больше – есть.

Она повернулась к нему.

– Но это также симптомы учёного, который столкнулся с загадкой. Это симптомы любого человека, который увидел что-то необъяснимое и хочет понять.

– Есть разница...

– Какая? – перебила она. – Где граница между здоровым любопытством и патологией? Между научным интересом и одержимостью? Ты можешь провести эту границу?

Маркус молчал.

– Никто не может, – сказала Лин. – В этом-то и ужас. Не в том, что ты заражён. В том, что ты не можешь знать.

Маркус

Она была права.

Он знал это – знал с того момента, как увидел спираль в своём блокноте. Границы не существовало. Чёткой линии между «здоров» и «болен», между «свой» и «чужой» – её не было. Была только серая зона, бесконечная неопределённость, в которой каждый оставался наедине со своими сомнениями.

– Лин.

Она остановилась, посмотрела на него.

– Ты сказала, что хочешь узнать больше.

– Да.

– Это желание – твоё? Или его?

Она не ответила сразу. Он видел, как она думает – как её глаза чуть сужаются, как губы сжимаются в тонкую линию.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Но я хочу верить, что моё.

– Почему?

– Потому что если оно не моё – то что осталось от меня? Если каждое моё желание можно объяснить заражением, каждую мысль – симптомом, каждое чувство – манипуляцией... тогда меня больше нет. Есть только носитель. Оболочка.

Она подошла к нему, села на подлокотник его кресла. Близко – так близко, что он чувствовал тепло её тела.

– Я не изменилась, Маркус. Я – это я. Та же женщина, которую ты встретил в Сингапуре. Та же, которая любит тебя восемнадцать лет. Та же, которая злится, когда ты оставляешь носки на полу, и плачет над глупыми фильмами, и не умеет готовить ничего, кроме яичницы.

Она взяла его руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.